

**PUBLICATIONS OF
THE UNIVERSITY OF EASTERN FINLAND**

*Reports and Studies in Social
Sciences and Business Studies*

UNIVERSITY OF
EASTERN FINLAND

MARI SUONIO & TATIANA PETROVA (EDS.)

**ORGANIZATIONAL, LEGAL AND SOCIAL MECHANISMS OF
CHILD RIGHTS PROTECTION IN RUSSIA AND FINLAND**

ORGANIZATIONAL, LEGAL AND SOCIAL
MECHANISMS OF CHILD RIGHTS
PROTECTION IN RUSSIA AND FINLAND

Mari Suonio & Tatiana Petrova (eds.)

ORGANIZATIONAL, LEGAL AND SOCIAL
MECHANISMS OF CHILD RIGHTS
PROTECTION IN RUSSIA AND FINLAND

Publications of the University of Eastern Finland
Reports and Studies in Social Sciences and Business Studies
No 11

University of Eastern Finland
Kuopio
2019

Grano Oy
Jyväskylä, 2019
Editor: Antero Puhakka
ISBN: 978-952-61-3097-2 (print)
ISBN: 978-952-61-3098-9 (PDF)
ISSNL: 1798-5765
ISSN: 1798-5765
ISSN: 1798-5773 (PDF)

Suonio, Mari & Petrova, Tatiana (eds.)

Organizational, legal and social mechanisms of child rights protection in Russia and Finland

University of Eastern Finland, 2019

Publications of the University of Eastern Finland

Reports and Studies in Social Sciences and Business Studies; 11

ISBN: 978-952-61-3097-2 (print)

ISBN: 978-952-61-3098-9 (PDF)

ISSNL: 1798-5765

ISSN: 1798-5765

ISSN: 1798-5773 (PDF)

ABSTRACT

This edited collection consists of articles based on the International Round Table Meeting. The meeting was arranged by the Russian State University of Justice, The North-Western Branch, Saint-Petersburg, and University of Eastern Finland.

The articles discuss current issues of child protection and young offenders in legal and social context.

Victor Ocheredko endeavours to make some conclusions on the basis of the results gained. He speaks of the legal state which is guided in building the protection system of the family and child rights by the UN Convention on the Rights of the Child and national legislation starting with the RF Constitution, the RF Family Code; the RF Legislation on the Protection of Citizens' Health; the law "On Fundamental Guarantees of Children's Rights in RF"; the Federal law "On Education"; the law "On Additional Protection Guarantees for Orphans and Children without Parents"; the law "On Social Protection of Disabled People in RF", etc. The author's vision of the reasons for those cornerstone problems which appear in the interaction of the state and the international family in crisis due to the activity of social services in both countries is offered.

Juha Hämäläinen and Riitta Vornanen discuss assessment in child welfare in Finland. High-class assessment of the needs of the child in the case of risk and necessary protection is an important element of the Finnish child welfare system. Focusing on the procedure of assessment, this paper aims to display the principal features of the Finnish child welfare philosophy, policies and organization, legal basis and quality criteria of assessment included.

Sanna Tohka discusses what has to be taken into concern when hearing children in the administrative court in child welfare cases.

Yaroslav Zholobov states, that Justice administration of criminal cases concerning minor defendants can be considered effective only in cases of comprehensive collecting and preparation of the data about minors' life activity conditions, their family, training, work, circumstances and conditions under which crimes were committed. Russian legislation, as compared to other countries, does not assign to law enforcement agencies (including bodies of preliminary investigation and criminal and executive inspections) and social services the functions necessary to ensure high-quality consideration of minors' criminal cases in court.

Tatyana Isakova is focusing on studying international rules of law that regulate application of restorative justice. It also it defines the principles of comparative research in the legal sphere. The usage of principles of restorative programmes is set out in the

article and the sphere of national regulation of conciliation procedures is discussed. It is concluded that restorative justice implies comprehensive development of the principle of disposition in criminal procedures and collaboration of state and society.

Mari Suonio considers young offenders in between criminal justice and child welfare services in Finland.

Jusse Määttä clarifies the procedure and punishments of young offenders from the district court point of view.

Keywords: *child protection, child rights, criminal cases concerning minors, criminal proceedings, justice administration, juvenile justice, court, protection, family, legal legislation, comparative analysis, globalization, private life, restorative justice*

Суонио, Мари; Петрова, Татьяна (ред.)
Организационно-правовые и социальные механизмы защиты прав ребенка в
России и Финляндии
Йоэнсуу / Куопио: Itä-Suomen yliopisto, 2019
Публикации Университета Восточной Финляндии
Доклады и исследования в области социальных наук и изучения бизнеса ; 11
ISBN: 978-952-61-3097-2 (печать)
ISBN: 978-952-61-3098-9 (PDF)
ISSNL: 1798-5765
ISSN: 1798-5765
ISSN: 1798-5773 (PDF)

АННОТАЦИЯ

Этот коллективный сборник научных статей подготовлен по материалам Международного круглого стола. Проведение российско-финского круглого стола было организовано Северо-Западным филиалом Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург и Университетом Восточной Финляндии, Куопио.

Обсуждаются актуальные проблемы защиты детей и малолетних правонарушителей в правовом и социальном контекстах.

Автор статьи Виктор Очерedyкo предлагает подвести итоги и охарактеризовать некоторые выводы на основе полученных результатов. Он говорит о правовом государстве, которое руководствуется в создании системы защиты прав семьи и ребенка, прежде всего, Конвенцией ООН по правам ребенка, а также национальным законодательством, включая Конституцию РФ, Семейный Кодекс РФ; закон “О фундаментальных гарантиях прав детей в РФ”; Федеральный закон “Об образовании”; закон “О гарантиях дополнительной защиты сирот и детей без родителей”; закон “О социальной защите инвалидов в РФ” и др.

Автор предлагает свое видение тех причин, которые лежат в основе проблем взаимодействия государства и семьи через сеть социальных служб при наличии кризисных ситуаций в интернациональных семьях.

Юха Хемелайнен и Риитта Ворнанен обсуждают оценку благосостояния детей в Финляндии. Высокопрофессиональная оценка потребностей ребенка в случае риска и предоставление необходимой защиты являются важными элементами финской системы социального обеспечения детей. Настоящая работа, в которой основное внимание уделяется процессу оценивания, направлена на выявление основных особенностей финской философии, политики и организации в области благосостояния детей, включая правовые основы и качественные критерии оценки.

Санна Токка рассматривает вопрос о том, что должно быть принято во внимание при рассмотрении дел о социальном обеспечении и благополучии детей в административном суде.

Автор статьи Ярослав Жолобов считает, что отправление правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних обвиняемых может считаться эффективным только при условии всестороннего сбора и подготовки сведений об условиях жизнедеятельности несовершеннолетних, их семьях, обучении, труда, обстоятельств и условий совершения преступлений.

Российское законодательство, в сравнении с зарубежным опытом, не возлагает на правоохранительные органы (в том числе органы предварительного расследования и уголовно-исполнительные инспекции) и социальные службы необходимых функций, что в некоторой степени препятствует качественному рассмотрению уголовных дел в суде.

Автор статьи Татьяна Исакова уделяет особое внимание изучению международных норм права, регулирующих применение восстановительного правосудия. Она также определяет принципы сравнительных исследований в правовой сфере. Формулируются принципы использования восстановительных программ, и определяется сфера национального применения примирительных процедур. Делается вывод о том, что восстановительное правосудие предполагает всеобъемлющее развитие принципа диспозитивности в уголовном процессе, а также взаимодействие государства и общества.

Мари Суонио рассматривает положение несовершеннолетних правонарушителей как в области уголовного правосудия, так и в сфере деятельности служб социального обеспечения детей в Финляндии.

Юссе Метта уточняет процедуру и наказание несовершеннолетних правонарушителей с точки зрения районного суда.

Ключевые слова: защита детей, права ребенка, уголовные дела, касающиеся несовершеннолетних, уголовное производство, отправление правосудия, ювенальная юстиция, суд, защита, семья, законодательство, сравнительный анализ, глобализация, частная жизнь, восстановительное правосудие

TABLE OF CONTENTS

ABSTRACT	5
АННОТАЦИЯ	7
INTRODUCTION	11
Tatiana Petrova	
DEVELOPMENT OF NATIONAL MODELS OF FAMILY AND CHILDHOOD PROTECTION: THE FIRST STARTS OF THE COMPARATIVE ANALYSIS	12
Victor P. Ocheredko	
ASSESSMENT IN CHILD WELFARE IN FINLAND	17
Juha Hämäläinen & Riitta Vornanen	
HEARING CHILDREN IN THE ADMINISTRATIVE COURT IN CHILD WELFARE CASES	29
Sanna Tohka	
SOME PROBLEMS OF ADJUDICATION OF JUVENILE OFFENCES	32
Yaroslav B. Zholobov	
LAW ENFORCEMENT PROBLEMS OF RESTORATIVE JUSTICE PROGRAMMES IN THE RUSSIAN FEDERATION	37
Tatyana V. Isakova	
YOUNG OFFENDERS IN BETWEEN THE CRIMINAL JUSTICE AND SOCIAL WELFARE SYSTEM	40
Mari Suonio	
YOUNG OFFENDERS AND DISTRICT COURT IN FINLAND	44
Jusse Määttä	
ПРЕДИСЛОВИЕ	48
Татьяна Петрова	
РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ И ДЕТСТВА: НАЧАЛА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА	50
Виктор П. Очередько	
ОЦЕНКА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ В ФИНЛЯНДИИ	55
Юха Хямяляйнен, Риитта Ворнанен	
ЗАСЛУШИВАНИЕ ДЕТЕЙ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДЕ ПО ДЕЛАМ О СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ ДЕТЕЙ	70
Санна Тохка	
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДСУДИМЫХ	73
Ярослав Б. Жолобов	

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	79
Татьяна В. Исакова	
ПРОБЛЕМА МОЛОДЕЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА СТЫКЕ СИСТЕМ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	82
Мари Суонио	
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ ПРАВОНАРУШИТЕЛИ И УЕЗДНЫЕ СУДЫ ФИНЛЯНДИИ	88
Юссе Мяття	

LIST OF FIGURES

Figure 1.	Three key fields of child welfare	18
Figure 2.	Age and the System.....	41
Рис. 1.	Три основных направления социальной защиты детей в Финляндии	56
Рис. 2.	Возраст и система	84

INTRODUCTION

TATIANA PETROVA

There are certain characteristic features that probably define most prominently the maturity and progressive development of the national social society of each country in the world. The attitude towards children and observance of their rights is one of them.

It is evident that political, social-economic, legal, social-cultural and social-ethnic factors are influencing the development of the protection system and challenging it at the same time. No country can insist that its system is perfect and the best.

Close international cooperation of Russia with different European countries in the fields of science, education and culture in the 2000s, long before recent volatilities in higher-level political relations, introduced the idea of implementation of the European juvenile justice instruments in Russia.

Numerous attempts were made to carry out this task in various regions of the Russian Federation, but they did not succeed. Honoured lawyers, government leaders, representatives of the judicial system and social services tried to explain the reasons for the rejection of the Western juvenile justice model by Russian society.

Later, the international Russian-Finnish research project “Social, Organizational and Legal Support of a Child’s Rights in Russia and Finland: the Comparative and Legal Analysis” was launched. It was meant to find particular and general differences and similarities of the legal bases laid in the roots of national systems of family and child rights protection in the two countries. In the framework of this project, not only the research and analysis of legal documents, but also studying the wider context was assumed: philosophy of child wellbeing, traditional forms of child upbringing in family and society, socialization of youth, historical roots, religious traditions and moral foundations of family relations. The special emphasis was directed to the solution of conflict relations problems inside a family when crisis goes beyond international family frameworks and finds its reflection on TV, in the newspaper articles and mass media.

Institutional cooperation has been carried out for several years in the frameworks of the research project. It helped to investigate, compare and analyse social, organizational and legal support of the rights of family and the child in Russia and Finland.

Active and fruitful research in these areas yielded the results. Conferences, seminars, round tables and working meetings were held and drew the particular interest of ombudsmen, representatives of various courts of two countries, social services and other institutes. To some extent that new understanding, knowledge and finding points of intersection, especially in mutual perceptions of family values, gave the chance to explain the reasons for the problems; even those which lay outside this project.

The established cooperation between the University of Eastern Finland and the North-Western Branch of the Russian State University of Justice in Saint-Petersburg overstepped the bounds of the two universities. Cooperation goes on and there is essential social demand for continuation of this activity.

DEVELOPMENT OF NATIONAL MODELS OF FAMILY AND CHILDHOOD PROTECTION: THE FIRST STARTS OF THE COMPARATIVE ANALYSIS

VICTOR P. OCHEREDKO

The time has come for generalizing the project's resulted materials and their theoretical and practical importance.

In the frameworks of the comparative analysis of the problem under discussion, the social and legal aspects, namely identification of social conditionality of national model development of family and the child social legal protection, is of particular importance.

First of all, it is necessary from our point of view to record the basic issue defining our attitude to the problem under discussion.

There are many models of protection of the family and child rights in the world. In fact, each country has its own national model which is specific only to it. At the same time, it is impossible to call one model the best and the only correct one. The variety of models isn't an indicator of a different level of their quality, but reflects a variety of social progress.

All modern models of rights protection are formed on the basis of the norms enshrined in the legislation of each country:

- The Declaration of the Rights of the Child (1959),
- The Convention on the Rights of the Child (1989) and some other international acts affirmed in the legislation of each country.

At the same time all of them develop under the influence of sets of factors inherent in each country: political, economic, legal, sociocultural and socioethnic ones. Recognition of these factors is not the source of objections. More difficult and not at all easy for investigation is the identification of the specific cause-and-effect relationships between these phenomena and mechanisms of their realization.

The insufficient understanding of mechanisms of these relationships and their evolutionary development generates unjustified attempts (first of all in Russia) to stimulate this process with legislative and administrative measures (to jump over stages) that inevitably develops into strengthening of social tension in society and, as a rule, implements the reforming kickback.

Any national model of social and legal protection of family and child includes the following basic components:

- social subjects,
- institutional elements (bodies of social and legal protection),
- the standard and legal base including the standards influencing substantive and procedural law (The Constitution, Codes (The Family Code of the Russian Federation dated 29 December, 1995. No. 223-FL), Laws (Federal Law "On the

Basic Guarantees for the Rights of the Child” dated 24 July 1998. No. 124-FZ), Resolutions (Comments to the Family Code of the Russian Federation. M., 1996. P. 10; The Law and State Protection of a Family. M. 1987.P. 10–11), etc.),

- spiritual and mental (social and legal values; public influence on formation of the ideas of modern family among youth).

The comparative analysis of national models, in general, comes down to the comparative characteristics of its components, identification of their conditionality degree; first, by national factors, and secondly by the accruing globalization of all parties of public life, in particular, because of rapprochement of cultures, the developing mobility of the population and law harmonization. The developing scientific and technical progress, informatization and “INTERNETization” of society create relentless imperatives; common problems in solution of which convergence processes, i.e. rapprochements of independent social structures, occur.

At the same time, one cannot see complication of the tendencies developing in recent years in the humanitarian sphere exerting impact on harmonization of the national human rights structures. Globalization has ceased to be defined only by development of democratic values. Among its bases, values of personal safety, society and the state increasingly act. Fixing the rights and freedoms of a person and citizen as a basic value and the cornerstone of law development of human rights and international humanitarian law at the same time encounters a need for ensuring national values and state interests. It significantly corrects development of transnational public relations, international humanitarian cooperation, and implementation of international research.

Understanding the family’s place in the system of social values occupies the central place in understanding the nature and definition of the developing directions of national models of family and child protection. A family is a unique tiny society in which traditions, national and religious peculiarities of each nation are most clearly shown. Understanding the importance of family values considerably defines the degree of admissibility of intervention of the state in the life of a family and in general in private life, definition of priorities of state policy in protection of interests of family and the child. As we have understood in our conversations with Finnish colleagues, in the Finnish system of child protection priority is given to the STATE. Child protection is a social affair in which the public authority, in the name of the best interest of the child, has a statutory right and responsibility for controlling family life (Hämäläinen Juha., 2014, 8), while in the Russian system the priority belongs to a FAMILY.

The European models and, in particular the Finnish model, takes a thesis for granted as scientifically and practically justified that a certain price (costs) for existence of a socially safe society (society of welfare) is a considerable loss of a part of private (family) relationships. In its turn, Russian society is voicing discontent and wariness about the process of the accruing intervention of the state in this sphere.

It is reflected in distinctions of standard and legal regulations of various parts of family relationships. For example, in Russia and Finland, different approaches to regulation of guardianship and parental rights exist. In Russia, a mother and a father are parents of their children, but in Finland – they are trustees as well, and these concepts exist independently. A parent and a trustee are not obligatorily the same person. The right of parental guardianship can be limited or transferred to another person or even to the commission on social support if social protection authorities consider it necessary to interfere and take measures for protection of children.

In European, and in particular in Finnish law, the concept of guardianship includes the obligation to care for the minor person, to carry out care, upbringing, a certain control and also it includes powers for solving the problems concerning the identity of a child and to represent his/her interests. The institute of parental guardianship is unknown to Russian family law. The relations of parents and children are regulated by means of the rights and duties stated in the Family Code.

In the Concept of the State Family Policy of the Russian Federation until 2025, the defining role of family and respect for the rights of parents are recognized in the frames of the upbringing system in modern Russia. At the same time, the requirement of the UN Committee to replace the principle of ensuring "legitimate interests of the child" as it is applied in Russia for ensuring "the best interests of the child" is denied. According to Russia, these requirements violate the principle of non-interference of someone into the family affairs established by the Family legislation, the principle of conscientiousness of parents and other constitutional rights of citizens.

Most distinctly, the difference of national systems of family and childhood rights protection is shown in relation to juvenile justice. It is exactly this sphere where the most painful points, and at the same time the epicentre of differences in assessment of family and child protection systems in Europe and Russia, are concentrated.

Juvenile justice is characterized, as we know, by personal jurisdiction (minors), by mainly protecting the nature, social fullness and individualization of trials. Such a system exists practically in each country, including Russia. Its national specifics (model) are characterized by a specification of the mentioned features and their ratio.

In Russia at the beginning of the 21st century, a juvenile justice model consisting of strengthening state intervention in the private sphere of family life was offered.

An embodiment of this model was the bills "About Social Patronage" and "About Public Control over Position of Orphan Children" submitted for consideration to the State Duma.

They were dealing with the new role of social services, which did not correspond to the traditions of Russian society. It was the system of measures of toughening control over the rights of children in a family when social workers could decide whether it was possible to withdraw a child from a family if his/her rights had been violated. Exactly these provisions have caused active rejection, and negative emotions in a considerable part of the population of the country. As a result, juvenile justice has no legal definition in Russia yet.

In turn, among Russian lawyers, so in society in general, there are practically no opponents of juvenile courts as a central part of the national model of protection the rights of family and the child. Now juvenile courts exist in the form of allocation of specialized judicial groups for the minors in the courts of law and also updated juvenile technologies were introduced into the court activity.

Approbation of juvenile technologies in the sphere of dealing with minors was carried out in regions of Russia as realization of non-state funds. In different regions there are various models of introduction of juvenile technologies which are characterized by various ways of interaction of all structures specializing in dealing with youth.

Meanwhile, it is obvious that the modern Russian family is in process of modernization; her forms have become complicated. Unshakable foundations of the traditional family, despite state support, are washed away: incomplete families become more and more significant, open families, the real families, same-sex families, etc. It is important to note that legal regulation, being inseparably linked with evolution of family relations and corresponding changes of a conceptual framework, at the same time is

considerably caused by existing traditions and value-oriented guidelines in society. It appears in various prospects of legal settlement of the real families and same-sex families. In the context of these changes, the corresponding standard legal adaptation of the changed position of the child in a family has to be carried out.

The Russian model is characterized by the developed standard and legal base including the international, federal, local and departmental levels and also an extensive set of departmental acts. The Russian model is characterized by the branched institutional structure including the All-Russian, regional and local levels. The central place, as it is recognized, occupies the Institute of the Ombudsman for Children at the federal and regional levels and also the Commissions on minors' affairs and the protection of their rights.

Thus, in St. Petersburg, along with Committee on Education of the Government of Saint Petersburg, the office of the Ombudsman for Children, the Commission on minors' affairs and the protection of their rights operate. In the Ministry of Internal Affairs, the Inspectorates for Minors' Affairs work. The Sectors of family and the child protection function within the Departments of the social support of the population. This includes State educational institutions for the children in need of special help, the Centres of psychological and medical care, the Centres of family and children support work. This is not a comprehensive list of reliable allies of childhood.

The defining tendency nowadays is formation of a common all-European system; however it is hardly possible to speak about this as if it is a realized, true fact. At the moment, national European systems to a certain degree are characterized by those features, caused by influence of historical, ethno-social, and religious factors.

The specifics of the Russian model is also in the fact that although it is formed on the basis of a uniformed federal legislative basis, still we can find in the model the essential distinctions native to different regions of the Russian Federation .

The judicial protection takes an important place in the Russian model of family and the child protection.

The function of a family as a social and legal institute and the influence of family values on development of a mechanism of state regulation such as social legal protection of family and the child are still insufficiently scientifically studied in Russia.

It is undoubted that this deficiency of scientific knowledge challenges practical efforts of the states to create effective mechanisms of social and legal protection of children in international families, having different ideas of family values, norms of relationships between parents and children. This highlights the scientific relevance and the practical importance of the international comparative analysis of social and legal protection of family and the child in different countries.

LITERATURE

PRIMARY SOURCES:

- The Constitution of Russian Federation. Rossiyskaya Gazeta (newspaper). - 1993, 25 December.
- The Convention on the Rights of the Child adopted in 1989. It was approved by the resolution No. 44/25 of the UN General Assembly dated 20 November, 1989 and ratified by the Supreme Soviet of USSR on 13 July, 1990. // Newspaper of the Supreme Soviet of USSR. 1990. No. 45. Art. 955.
- The Family Code of Russian Federation dated 29 December, 1995. No. 223-FL. // The Legislative Collection of Russian Federation. 1997. № 46.
- The Federal Law "On the Basic Guarantees for the Rights of the Child" dated 24 July 1998. No. 124-FZ // The Legislative Collection of Russian Federation. 1998. № 31.
- Comments to the Family Code of the Russian Federation. M., 1996. P. 10. Adger D. & Ramchand, G. 2006. Dialect variation in Gaelic relative clauses. In McLeod, W. (ed.) *Rannachadh na Gàidhlig*. Dunedin Academic Press, 1–15.

SECONDARY SOURCES:

- Ermolinskaya, T.V. The Enforcement of Russian Court Verdicts on the Recovery of Alimony Payments in Finland // *Enforcement Legislation*. 2007. No. 2. P. 11-12.
- Golod, S.I. Socio-Demographic Analysis of the Status and Evolution of a Family // *SoTSis*. 2008. No. 1. P. 44.
- Hämäläinen Juha. 2014. Child and Family Policies in the Finnish Social Order // *Collection of articles presented at the international round table. PH "Peropolis", Saint-Petersburg*.
- Hämäläinen, Juha, Kraav, Inger & Bizaeva, Anna 2002. The Values of Upbringing in Finland, Russia and Estonia. University of Kuopio. Occasional Reports E. Social Sciences 32. Kuopio (in Finnish with Estonian and Russian summaries).
- The Law and State Protection of a Family. M., 1987. P. 10–11;
- Mikheyeva J.I. Legal Regulation of Foster Upbringing of Children // *Russian Justice*. 2003. No. 7. Scientific library of theses and abstracts: <http://www.dissercat.com/content/konstitutsionno-pravovaya-zashchita-semi-materinstva-ottsovstva-i-detstva-v-rossii#ixzz5YA5SSBor>

ASSESSMENT IN CHILD WELFARE IN FINLAND

JUHA HÄMÄLÄINEN & RIITTA VORNANEN

INTRODUCTION

There are reasons to elucidate the nature of Finnish child welfare with respect to the national social order. In general, Finland is a civilized state, a rule-of-law state and a welfare state following the political values of democracy, equality and social justice. Comprehensive social security is a crucial political aim. These principles constitute the ideological environment of the Finnish child welfare policies and practices. This paper discusses the principles and organization of assessment within the Finnish child welfare system. The aim is to shed some light on the matter with respect to the legislation and implementation.

Characteristics of the Finnish child welfare policy and system

In Finland, child welfare is an integrated part of the statutory national welfare system in particular, following the Nordic welfare ideology in terms of wide social rights of citizens and comprehensive system of social benefits and services based on public responsibility. Child welfare consists of three intertwining elements, which are 1) Promotion of well-being of children and young people in general, 2) Basic services, and 3) Child- and family-specific protection (Figure 1). This article focuses on the assessment in child-specific and family-specific child protection.

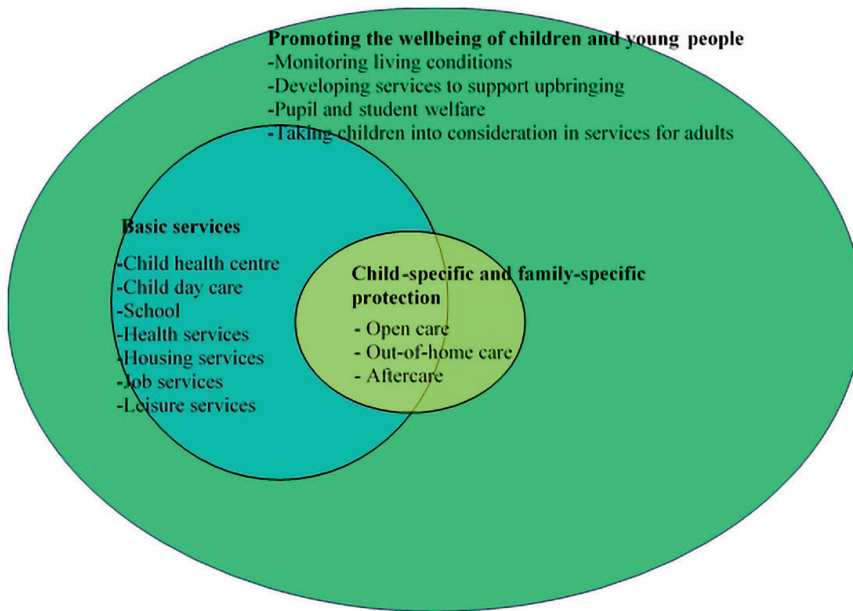

Figure 1. Three key fields of child welfare in Finland

The goal of child welfare is the principle of the child’s right for special protection and this right is related to protection of private family life (Aer 2012, 8-16). In addition, the child welfare system concerns the whole child population. The promotion of children’s and young people’s well-being is closely connected with national family policy (Hämäläinen 2010). With regard to political ideology, children are the priority in terms of “child-friendly” and “family-friendly” policy-making. Moreover, in the name of positive discrimination, vulnerable children and children at risk have priority right of support.

In international comparison, the Finnish child welfare system is characterized as a *family service-oriented* as well as *child development-oriented* system contrary to a narrower *child protection orientation* (Gilbert 2012; Hietamäki 2015; Pösö 2011). Moreover, the inclination of recognizing child maltreatment is called *child and family service orientation* in terms of referral, assessment and inquiry opposite to *child safety orientation* concerning notification, report and investigation (Gilbert et al. 2009). The assessment of children’s needs is emphasized in the child and family service orientation, not just risks. Anyway, this does not exclude the need to recognize the risks associated with child safety.

The crucial difference between national systems is related to a needs-based approach which characterizes Finnish child welfare. The family service-oriented and child development-oriented system means that there is an obligation to offer services and support for families. In Finland, this is seen in the criteria for taking a child into custody and out-of-home placement in particular. The child and the family have to be helped so that there is a possibility for the child to stay at home with their parents.

Legal basis of child protection

According to the Constitution of Finland (731/1999, Section 19) ‘...the public authorities shall support families and others responsible for providing for children so that they have the ability to ensure the wellbeing and personal development of the children’. This support is provided by the means of child and family policy, and extensive services for children and families as a part of the Nordic welfare state. The important constitutional principle is the right to respect and protect private family life (Section 10; see also the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedom, Article 8).

The combination of two laws, Child Welfare Act (417/2007) and Social Welfare Act (1301/2014), has changed the focus towards early intervention and early support for children and families. Child welfare is not separate from the other services for children and families. Child and family services may be seen as a continuum from basic services to the special and the most demanding services, where a child’s health and well-being is at risk and the child and the family need intensive support. Child-specific and family-specific support is the “last resort” intervention, which uses the public authority based on the Child Welfare Act and the guiding principles have to be considered in all actions. There are also different needs and there is no exact number of children in need of child welfare services among the population (Heino 1999). The need for child-specific and family-specific protection will be assessed by social welfare and/or child welfare.

Intervention threshold and the beginning of the process in child welfare

The assessment of children and families in need is guided by the Child Welfare Act (417/2007) and Social Welfare Act (1301/2015), which both give legitimacy to the assessment process. The idea of the new Social Welfare Act was to change the focus from special services to preventive support. A client has the right to services, which guarantee care and maintenance as well as support for the child’s health and development. Part of the services in child welfare were transferred to the Social Welfare Act. The aim was to shorten the time to access services, shorten the client processes and minimize the need for child welfare (Räty 2015, 23).

The change in Child Welfare Act was that children are not registered clients in the beginning of the process and during the assessment. The child and the family become clients of child-specific and family-specific child welfare only if, on the basis of the assessment, the need for child welfare services is noticed or the child and family start to receive child welfare services during the assessment process (STM 2017, 105). Child welfare services may be needed if the child’s health and development is endangered and family services are not adequate and needed, or if the services would be adequate, but the child and family do not accept the services.

Children and families have different routes and paths to child welfare. They can seek advice and help themselves or someone else makes a referral or notification. The process can start also gradually when the family or parents are already clients in adult services. In Finland, the number of child welfare notifications was 76 116 children in 2017. The amount of notifications per a child was approximately 1.8 (mean value). The total amount of notifications was 139 368, an increase of 15% from the previous year, 2016 (Child welfare 2017).

The intervention threshold in Finland is strengthening gradually, step by step in accordance with the situation of the child and a family. The threshold to make a referral or notification to Social Welfare and Child Welfare is related to the need of the child "If the best interest of the child requires..." (Social Welfare Act, Section 35) and for child welfare, "if persons employed by, or in positions of trust... have information of a child /discover that there is a child for whom it is necessary to investigate (assess) the need for..." (Child Welfare Act, Section 25). The next threshold is between the Social Welfare Act and Child Welfare Act. The Social Welfare Act regulates the support if a child has special needs (Section 3). With the Child Welfare Act, the child will have a client status, when on the basis of assessment (in Social Welfare Act), a social worker evaluates that there is a risk for health and development or a child risks her/his own health and development and there is a need for child welfare support measures.

There is also a possibility in child welfare to provide urgent open care support for a child and a family (Child Welfare Act, Section 37b). This is new in Finnish child welfare and the idea is to avoid placements in out-of-home care and support a child in her/his own home and growing environment. The threshold to take a child into custody and place them in out-of-home care is high in Finland and the last option. However, there should not be obstacles to taking a child into custody if all the pre-requisites have been carefully evaluated and considered and are in line with the child's best interest. There is the possibility of urgent placement, if a child is in immediate danger (Section 40). The current policy in child welfare tries to avoid these urgent placements, because it has such a strong impact on the rights of the children and rights of the parents. That is why urgent open care measures should be available as well as the other options to find security for a child in his/ her own network.

The assessment in child welfare protection

The assessment process is a central part of child welfare guided by the same principles as the family policy and child welfare system. The need for child-specific and family-specific protection – consisting of open care or out-of-home care – is evaluated considering the needs of the child and following the principle of the best interest of the child. De jure describes when the open care support measures would not be suitable or possible for providing care in the interests of the child concerned or if the measures have proved to be insufficient and substitute care is estimated to be in the child's interests (Section 40, Child Welfare Act 417/2007). The values and goals in child welfare guide the assessment as well as all the actions throughout the system.

The International Convention of the Rights of the Child provides standards for Finnish child welfare. Many of the articles give guidance and duties for child welfare assessment, for example the article 19 protection from abuse and neglect. In the Child Welfare Act of Finland, the principle of the best interest of the child is described as a key element of assessment:

"When assessing the interests of the child, consideration must be given to the extent to which the alternative measures and solutions safeguard the following for the child:

- 1) balanced development and wellbeing, and close and continuing human relationships;*
- 2) the opportunity to be given understanding and affection, as well as supervision and care that accord with the child's age and level of development;*

- 3) an education consistent with the child's abilities and wishes;
 - 4) a safe environment in which to grow up, and physical and emotional freedom;
 - 5) a sense of responsibility in becoming independent and growing up;
 - 6) the opportunity to become involved in matters affecting the child and to influence them; and
 - 7) the need to take account of the child's linguistic, cultural and religious background"
- (Child welfare Act 417/2007, Section 4, unofficial translation).

These principles guide the assessment of the need for child-specific and family-specific child welfare as well as all the measures and actions (Aer 2012, 31). The goal is to promote these principles and in all actions, to support the family, to promote well-being of the child, to consider the best in-terest of the child and to secure the right to have special protection. An important guiding principle is the principle of choosing the mildest adequate measure, which is followed by the authorities when choosing the method of intervention (see Rätty 2015, 3). The point is to minimize harm by offering the mildest adequate support and strengthening the measures, if needed (Leigh and Miller 2004, 262). In Finland, social workers have a key role and the responsibility to carry out assessments in child welfare.

THE ASSESSMENT – ELEMENTARY FACTOR OF THE FINNISH CHILD WELFARE

Assessment as duty of social workers

In Finland, social workers are key authorities of child-specific and family-specific child welfare. They are responsible for implementing the legal rights of children and families in cooperation with other relevant professionals. The important issue is to inform the child and guardians (parents) of available services and why and how they work in child welfare (Quality Standards in Child Welfare 2014, 35). Social workers are educated to put the assessment into practice and the system is built on trust of their professional competence. However, it has been asked, "*should there be a review of the theoretical background and knowledge base of what is the assessment of the child's best interest*" (Bardy 1987).

The drafting of the Child Welfare Act (417/2007) was a careful process and as a part of it, the assessment process was strictly enacted with the timelines and the requirements for the working with a child and the child's network. The government bill for the Child Welfare Act (HE 252/2006) includes the summary of international practices in developing the child welfare assessment. The references were made to the Framework for the Assessment from the UK and the Swedish model of Barns Behov I Centrum (BBIC). There was also a national committee for planning the assessment in the child welfare process (Oranen 2005). This contribution was utilized in implementing the new practices in child welfare. With the Child Welfare Act entry into force, there were many steering processes in child welfare with training of social workers for the assessment.

The Child Welfare Act does not provide cookbook-like instructions for social workers. There is a knowledge basis and expertise consisting of formal knowledge, practice wisdom, emotional wisdom, values and reasoning skills (Munro 2002). Finnish social

workers use their discretion power which has to be in line with legislation but is based on professional competence. The assessment in child welfare has been developed by the guidelines of the Quality Standards in Child Welfare (2014) and the Handbook for Child protection (on the Internet, only in Finnish).

There is a guideline for identification of maltreatment (Identification of and Intervention in Child Maltreatment – A clinical practice guideline) and a guideline for investigation of children’s sexual abuse (Evaluation of a Suspected Child Sexual Abuse – A clinical practice guideline), linked to the Law for Investigation of Child Maltreatment and Physical and Sexual Abuse (2008/1009). The crucial line in the assessment is whether there is a need to inform police of the physical or sexual abuse of a child. In this investigation, the special health care unit has a special role and the police lead the process. Child welfare cooperates with those institutions and the goal is to guarantee the child’s security and health.

During assessment, child welfare social workers cooperate with other professionals in order to gain necessary information needed for concluding decision-making. Child welfare has the right to use the multi-professional expert group (Child Welfare Act 417/2007, 14§). In addition, child welfare has a broad right to gain information from other professionals and organizations. Cooperation with a child and parents is extremely important during the assessment and the best option is to gain their permission to cooperate. The child has its own social worker, who has the responsibility to cooperate with a child and family and coordinate the services (Child Welfare Act 417/2007, 13 b§).

Assessment and the mandatory reporting system

Finland has adopted the system of mandatory reporting obliged by the law. There is research on experiences of reporting child maltreatment, which show both benefits and recommendations for developing the system (McTavish et al. 2017). The benefits of the mandatory reporting system have been that the governments show how seriously they take child abuse. The mandatory system encourages protection of children and prevention of child deaths; raising awareness to tackle child abuse and developing reporting processes. The disadvantages may be overloads in child protection services and the mandate is open to interpretation: what kind of neglect and abuse, what is the degree of risk or harm, etc. (Gilbert et al. 2009, 169.) Moreover, the system of mandatory reporting strengthens the cohesiveness of child welfare, potentially as a multi-professional functional activity.

One important issue in assessment is the collaboration with a child and with parents. The research shows that a good relationship-oriented and strength-oriented assessment promotes reaching the outcomes of assessment, and increases awareness of a child’s situation, the need for change, parents’ own strengths and experienced improvement of the family situation (Hietamäki 2015). Negotiation with parents is a central element of a social worker’s tasks. In Finland, only one of five child placements takes place against the parents’ will because social workers manage to convince parents that it is in the best interest of the child.

In the literature there are many types of assessment: initial assessment, which is in the beginning of the process and core assessment, which is a more comprehensive assessment (Framework for assessment 2000). Assessment as a term may refer generally to the assessment process, or it can be more focused on risk assessment (Munro 2002),

assessment of neglect (Horwath 2007) or some other special focus. Risk assessment may make a prediction about what might happen to a child (Munro 2002, 63). There are many types of assessment. Assessment can be more like diagnosis, prediction or a broad social assessment (Holland 2004), which is typical in Finnish child welfare.

There are two general goals of the assessment of a child in child welfare (Horwath 2007), on the one hand a sound knowledge of what information about a child is needed, and on the other hand the information needed for a child and decision-making. The working process and decisions should promote the positive change in a child's situation and his/ her well-being. The assessment is defined in the following: *"Understanding what is happening to a vulnerable child within the context of his or her family and the local community cannot be achieved as a single event. It must necessarily be a process of gathering information from a variety of sources and making sense of it with the family and, very often, with several professionals concerned with the child's welfare."* (Framework for the Assessment of Children in Need and their Families 2000).

Some principles and the description of the purpose of assessment in Finland

Assessment is guided by the law and special attention was focused on assessment in the beginning of the client process with timelines stipulating that an assessment decision should be done within 7 days and the assessment process may take a maximum of three months (Child Welfare Act and Social Welfare Act). The most urgent initial assessment has to be done immediately if the child is suspected to be in danger. In Finland, child welfare takes referrals and there is also a duty to arrange the emergency services in child welfare, which is available 24 hours. In these emergency duty services, the skills and expertise to do the initial assessment are extremely important.

Assessment is not a purpose or an end in itself. This means that there should be reason and arguments for doing it, and there should be support available for a child and a family. The assessment done by a social worker is social work with a child and family and during the assessment, a social worker supports and tries to find solutions following the principle of the mildest way.

The assessment in Finland is carried out in cooperation with a child and a family. This means building trust and sharing information. A child and their parents have to know what kind of assessment process will be implemented and why it is needed. They have a right to communicate their wishes and expectations. If there is a legitimate reason to believe that a child's health and development is at risk or endangered, child welfare has the right to meet the child also without parental permission (Child Welfare Act 417/2007, 29§, 3 mom).

In the government proposal for the Child Welfare Act (HE 252/2006), the description for the purpose and content of an assessment is (unofficial translation):

"In the assessment, the goal is to assess a child's situation and needs with respect to guardians (parents or those who are responsible for care) and growth environment possibilities and capabilities to respond to the child's needs. The special focus of an assessment is the capabilities of guardians to take care of a child's security, basic needs and guardianship, care and upbringing, and this has to be done in accordance with the developmental level and needs of a child. The core of the assessment is the assessment of the everyday life of a child and the responsible guardians and in evaluating the conditions, as well as the risks and protective factors."

In this principle behind the child welfare act, both aspects of assessment are mentioned; identifying the risks and problems, as well as protective factors and strengths. There is also the idea of the special needs of a particular child and his/her individual needs, which must be considered. There could be many children in a family, and the individual children may have different situations and needs which have to be assessed. For example, if a child has a disability or some other constraint, these have to be considered in an assessment (Social Welfare Act: a child with special needs; Child Welfare Act: ...). The assessment requires the straight working with a child (Child Welfare Act ...; Aer 2012, 67). Child welfare social work is expected to be child centred, and the principle of the child's best interest should guide the work, including enough time to meet a child.

The assessment is part of child welfare not just in the beginning of the process but continues and is essential as part of the work. The assessment in the beginning is crucial and it has an impact on how the process continues with a child and the family. Assessment is also part of the decision-making process in child welfare and in decision-making related to the analysis of information and the facts and arguments for decisions are emphasized (Sinko 2004, 87; 130; Munro 2002; 2009).

In the assessment, there is a duty to identify the social network and significant relationships around the child and family (Child Welfare Act 417/2007, 32§). The idea is to find out the everyday life and the ecological context of the child as well as the risks and protective factors. There might be strengths and support for the child and parents, such as grandmothers or other relatives. The network is important in the beginning of the process where the support might be available and mobilized in the natural network. It is extremely important also when there is a need to consider whether a child can live with their parents (custody decisions, kinship care, etc.). The solutions for the support might be available in the network and significant adults in a child's life. The reform of the law of the Act on Child Custody and Right of Access (361/1983) has also suggestions to promote the status of the children's significant people (HE 88/2018 vp), which indicates the aims to strengthen a child's right to continuous and supporting relationships (The Convention on the Rights of the Child).

The assessment is done in child welfare as peer-to-peer work and with the consultation and information rights from other officials. There is a strong emphasis on the idea that a child has a right to a responsible social worker (Social Welfare Act, Child Welfare Act). A social worker has many duties and coordinates needed services and support. For the successful work in assessment, good governance, an efficient way to organize services, clear and careful documentation systems and decision-making processes are needed.

To put it shortly, the assessment deals with and is connected to the everyday life of the child, growing environment, family relations and relationship with parents, day care, school, friends and other networks, hobbies, substance use, the child's own wishes and feelings. An addition, it concerns the parents' capabilities to take care of the child, how a parent reflects on their own parenting, care for the child, cooperation in a child's issues, setting the boundaries, how a parent takes care of him/herself, what is the family support network and other possible networks. Special possible worries and problems are considered such as violence, parents' substance abuse, corporal punishment, child physical or sexual abuse.

These issues may emerge during the process or are already reported during referral or notification. There are more detailed guidelines for the process of assessing child physical or sexual abuse (mentioned earlier in this text). In Finland, the law against

children's corporal punishment has been in force since 1983 (in Norway since 1972, in Sweden since 1979, and in Denmark since 1985, see Eydal & Satka 2006). The issues of child maltreatment contain child abuse and neglect, which may be manifold. For example, the neglect may be medical, nutritional, emotional, educational, physical neglect or lack of supervision and guidance (Horwath 2007). In child welfare, social workers meet the spectrum of neglect and there is a need to assess parenting, give guidance and support. In the most serious cases, the police must be informed of neglect and maltreatment.

According to the respected scholar in the UK, Eileen Munro (2002, 63), '*The topic of risk assessment is, therefore, one where the conflict between analytic and intuitive approaches is in full cry, ... It seems to be an area where formal methods are crucial to counterbalance the flaws of the human mind.*' Formal methods are needed but also research is needed to provide information on the problems and risks which may endanger a child's health and development, family dynamics, protective factors and resilience of children and families, and the outcomes of interventions.

The knowledge basis for assessment contains the international (for example the Framework for assessment UK, BBIC in Sweden, etc.) and national studies and handbooks (in Finland: Möller 2004; 2005; Muukkonen & Tulensalo 2004). The development of a systemic model in child welfare as part of the Finnish government policy programme called 'Lape' -reform can also provide a multidisciplinary framework for assessment. The idea of a systemic model is to work in teams which are supplemented by a psychologist or other expert. Social workers have their central position and the duty to carry out the social work assessments and lead the process.

The assessment as a decision-making process

The goals in assessment are: to get the information about a child and his/ her experiences, everyday life, worries, risks and protective factors, to give to parents information about a child and the possibility to identify a child's needs and find their own strengths and resources, to assess the need for social welfare support and child welfare and other possible services and support.

The phases of the process are (according to the Pesäpuu model): Commencement of proceedings, the first meeting, the assessment process with special methods and meetings and conclusions, the summary meeting. In the beginning of the process and the first meeting the aim is to get to know each other, giving information about social welfare and child welfare, to discuss the reason (or referral) for starting the assessment, to do some preliminary assessment and discussion about further actions. It is important to have a plan with a family containing the goal, schedule, the issues and topics of assessment, the methods and procedures, the information and permission of parents to get the information, to discuss how a child will participate and what will happen if the parents do not follow the plan.

The topics of meetings with family and children are related to the home and significant people, everyday life, the needs of the child and parenting issues and living conditions seen during the home visit. The working plan and the amount of meetings depends on the issue. When working under the Social Welfare Act, the process does not have to be so comprehensive so that the process turns into a child welfare assessment. The process is documented and the family has a right to participate in documentation and to read the documents. The essential part of the process is to meet

a child, to give appropriate information to a child and listen to his/ her experiences. The structure of everyday life is important, for example, from the perspective of daily routines, proper sleep, eating, attending school, etc. There are many methods to work with a child and parents.

In the end of the process, the summary is given to parents and to parents and children who are 12 years old or older. *The summary contains:* who it concerns, the commencement of the proceedings, who did the assessment, how the assessment was conducted, the opinions of stakeholders, strengths and needs as well as problems, if any, the opinion of the social worker regarding whether child welfare support is needed, decision and arguments for continuing support, and what kind of support is needed. There might be need for support by the Social Welfare Act and in those cases, child welfare measures are not needed. Or there is no need to be a client in Social Welfare and a social worker may provide guidance to other services or give information about how to seek help in the future and if there will be questions or problems in the future.

It is necessary to give the parents space to express their feelings and opinions and reflect with them on the process and summary. In some cases, if a child is at risk or her/his health and development is endangered, there could be a need to decide about child welfare open care support during the assessment process. In those cases, a child will be registered as a client in child welfare.

Assessment should continue throughout a period of intervention, and intervention may start at the beginning of an assessment. As a rule, the process consists of the following elements.

- the parents' views of the child's needs and services required;
- the precise nature of these needs;
- the reasons for them;
- the priority for action and/or resources;
- the potential for change in the child and family;
- the best options to be pursued;
- the child's and family's response to intervention;
- how well the child is doing.

The quality of assessment in child welfare

The quality of assessment is a crucial element of adequate child protection. The following issues as quality criteria must be taken into account:

- service system, how to organize services and principles
- professional (qualification)
- law-informed corporate governance
- multi-professional work
- ethical code of social work
- quality recommendations
- monitoring system, proactive monitoring included
- inquiries (for example, what went wrong with some cases where a child or a family did not get help)

Assessment will not be perfect or flawless because there are multiple situations and complex issues and there can be human errors and misinterpretation. Social work education in Finland and the practice in child welfare has to accept this and evaluate the work with children and families, develop feedback systems and sensitive and ethical ways of working.

CONCLUDING REMARKS

In Finland, the child welfare assessment is primarily a professional and not a judicial procedure. This concerns the whole system of child welfare. At all administrative levels, the field is administered and supervised by the governmental departments of social affairs.

As a socio-political and legal system, child protection is a subsystem of citizen's social rights for welfare, the rights of the child in particular. Society has a statutory right and duty to protect children in the name of the best interests of the child, which is an uncompromising social and political norm, which society is obliged to exercise in all policy-making and professional activities. The government is therefore responsible for providing adequate legislation, professional education and governance for fulfilling this duty.

The assessment requires multifaceted professional skills to gain relevant information about the child's and his/her family's problems, which often are complex. Know-how in research methods and scientific analysis is necessarily needed. Professional qualification is based on a master's degree in social sciences, in social work.

It is important to emphasize the respect for private family life (The European Convention on Human Rights, article 8). The aim of family policy in Finland is to support families in their task of upbringing children. The principle to support families and parenting is important in all services, also in child welfare. This means cooperation with parents and listening to them, as well as to their children.

LITERATURE

- Aer, Janne 2012. Lastensuojelu oikeus. Helsinki: Sanoma Pro.
- Child Welfare Act 417/2007. Lastensuojelulaki 417/2007. An unofficial translation.
- Child welfare 2017. Statistics report. 17/2018. http://www.julkari.fi/bitstream/handle/10024/136409/Tr17_18_LASU.pdf?sequence=5&isAllowed=y
- Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedom. Rome, 4.XI.195 and amended by protocols.
- Evaluation of a suspected child sexual abuse. Abstract in English. (The Guideline in Finnish). <http://www.kaypahoito.fi/web/english/guidelineabstracts/guideline?id=ccs00100>
- Eydal, Gudny Björk & Satka, Mirja 2006. Social work and Nordic welfare policies for children - present challenges in the light of the past. *European Journal of Social Work* 9 (3), 305-322.
- Framework for assessment Framework for assessment, <http://www.archive.official-documents.co.uk/document/doh/facr/fw-00.htm>
- Gilbert, Neil 2012. A comparative study of child welfare systems: Abstract orientations and concrete results. *Children and Youth Services Review* 34, 532-536.
- Gilbert, Ruth, Kemp, Alison, Thoburn, June, Sidebotham, Peter, Radford, Lorraine, Glaser, Danya & MacMillan, Harriet L. 2009. Recognising and responding to child maltreatment. *Lancet* 373, 167-180.
- HE 88/2008 vp. <https://oikeusministerio.fi/hanke?id=afb68d97-f273-4760-a132-3a5ab8cf065e>
- Heino, Tarja 1999. Lastensuojelun trendit. In: Päivi Virtanen (toim.) Verkostoituvaa asiakastyötä. Tampere, 9-32.

- Hietamäki, Johanna 2015. Lastensuojelun alkuarvioinnin vaikutukset vanhempien näkökulmasta. Jyväskylä: University of Jyväskylä. Dissertation. (The outcomes of the assessment in child welfare from the parents' perspective)
- Horwath, J. (2007) Child Neglect. Identification and Assessment. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan.
- Hämäläinen, Juha 2010. Perhepolitiikka. In: Pauli Niemelä (toim.) Hyvinvointipolitiikka. Helsinki: WSOYpro, 227-246.
- Identification of and intervention in child maltreatment -A clinical practice guideline. <http://www.hotus.fi/hotus-fi/lasten-kaltointo-kohtelun-tunnistaminen-ja-siihen-puuttaminen-hoitotyön-suositus> (Lasten kaltointo-kohtelun tunnistaminen ja siihen puuttaminen. Hoitotyön suositus, Also available in Russian language)
- Laki lapsen kohdistuneen seksuaali- ja pahoinpitelyrikoksen selvittämisen järjestämisestä 19.12.2008/1009. [The Law for Investigation of Child Maltreatment and Physical and Sexual Abuse 2008].
- Laki sosiaalihuollon ammattihenkilöistä 817/2015.
- Lapsen seksuaalisen hyväksikäytön epäilyn tutkiminen. Käypä hoito -suositus. Suomalaisen Lääkäriseuran Duodecim ja Suomen Lastenpsykiatriyhdistyksen asettama työryhmä. Helsinki: Suomalainen Lääkäriseura Duodecim, 2013 (viitattu 1.10.2018). Saatavilla internetissä: www.kaypahoito.fi
- Leigh, Sarah & Miller, Chris 2004. Is the Third Way the Best Way? Social Work Intervention with Children and Families. *Journal of Social Work* 4 (3), 245-267.
- McTavish, Jill R, Kimber, Melissa, Devries, Karen, Colombini, Manuela, MacGregor, Jennifer C D, Wathen, Nadine C, Agarwal, Arnav & MacMillan, Harriet L. 2017. Mandated reporters' experiences with reporting child maltreatment: a metasynthesis of qualitative studies. *BMJ Open* 2017:7.
- Mikkola, Matti & Helminen, Jarkko 1994. Lastensuojelu. Helsinki: Karelactio.
- Munro, Eileen 2002. Effective child protection. London: Sage.
- Muukkonen, Tiina & Tulensalo, Hanna 2004. Kohtaavaa lastensuojelua. Lapsikeskeisen lastensuojelun sosiaalityön tilannearvion käsikirja. Helsingin kaupungin sosiaalivirasto. Selvityksiä 1. Helsinki.
- Möller, Sointu 2005. Arviosta sanoisin. Tutkimus lastensuojelun asiakkuuden alkuvaiheeseen liittyvän arvioinnin mallintamisesta. Lapsi- ja nuorisososiaalityön erikoisala. Jyväskylän yliopisto. Julkaisutiedot: Pesäpuu ry, Tutkimuksia 1. Jyväskylä.
- Oranen, Mikko (14.10.2005) Lastensuojelutarpeen selvitys. Alkuarviointi ja avohuoltotyöryhmän väliraportti.
- Pösö, Tarja 2011. Combatting Child Abuse in Finland: From Family to Child-Centered Orientation. In Gilbert, Neil, Parton, Nigel & Skivenes, Marit (eds.) Child Protection Systems. International Trends and Orientations. New York: Oxford University Press, 112-130.
- Räty, Tapio 2015. Lastensuojelulaki ja sen soveltaminen. Helsinki: Edita.
- Sinko, Päivi 2004. Laki ja lastensuojelu. Juridisoituvat käytännöt sosiaalityön arjessa ja asiantuntijuuden määrittelyssä. Helsinki: Palmenia.
- Social Welfare Act 1301/2014. Sosiaalihuoltolaki 1301/2014.
- STM 2017. Sosiaalihuoltolain soveltamisopas. [Guide for the application of the Social Welfare Act]. Helsinki: Ministry of Social Affairs and Health. http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/80391/05_17_Sosiaalihuoltolain%20soveltamisopas.pdf
- The Constitution of Finland. 11 June 1999. (731/1999, amendments up to 1112 / 2011 included), Ministry of Justice. Unofficial translation. Suomen perustuslaki. https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1999/en19990731_20111112.pdf
- Quality Standards in Child Welfare (2014). Lastensuojelun laatusuositus. STM:n julkaisu 4. http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/70275/URN_ISBN_978-952-00-3488-7.pdf?sequence=1&isAllowed=y (in Finnish)

HEARING CHILDREN IN THE ADMINISTRATIVE COURT IN CHILD WELFARE CASES

SANNA TOHKA

This brief article is based on a presentation given at the International Round Table “Organizational, legal and social mechanisms of child rights protection in Russia and Finland” in Saint Petersburg in October 2018. The event was organized within the cooperation agreement between the University of Eastern Finland and the Russian State University of Justice. I work as an administrative court judge in the Administrative Court of Eastern Finland and I was invited to join the delegation from the Social Sciences Department of the University of Eastern Finland.

The aim of the presentation given at the International Round Table was to provide a brief introduction to children’s rights from a practical point of view. The ideas are my own personal ideas on due process, on legal aid for children and on hearing children. Recently, in Finland, a lot of attention has been focused on the hearing of children and finding out children’s opinions, in academic research and in judicial control in general.

The mechanisms the Administrative Court has to safeguard children’s rights vary case by case. The main function of the Administrative Court is to control the lawfulness of the decisions made by the administrative authorities. According to the Courts Act (No. 673/2016), chapter 4, section 1, an administrative court considers and decides the administrative law appeals, administrative litigation and other cases assigned to its jurisdiction by the Administrative Judicial Procedure Act (No. 586/1996) or elsewhere in law. The Administrative Court has the duty to examine the legality of a decision made by an authority. In the area of child protection, in addition to this basic task, the Administrative Court decides on the bases of the application by the child welfare authorities whether a child must be taken into care and be placed into substitute care, if the child’s custodian or a child of 12 years of age or more opposes the taking into care or related placement into substitute care (Child Welfare Act No. 417/2007, section 43). In these application cases, the Administrative Court is the first-instance decision-maker.

The proceedings in the Administrative Court is based on the provisions in the Child Welfare act and Administrative Judicial Procedure Act. According to the Child Welfare Act section 88, matters of child- and family-specific child welfare must be processed as urgent. The administrative courts pay constantly attention to processing times. In addition, the courts endeavour to develop the process as far as possible so that processing times remain reasonable. The issue of whether a child is taken into care is always very emotional and important both for a child and for the adults close to a child, thus it is of utmost importance that the cases are handled with proper care and without delay.

A fair trial requires that all parties to the proceeding must be heard and, upon request, an oral hearing is held (Administrative Judicial Procedure Act, sections 37 and 38). As soon as a party requests an oral hearing, the court start to prepare the hearing. The decision of the court is given in writing based on the written and oral statements, if an oral hearing is held. An oral hearing is one way to clarify the matter; all the written material of the case is always considered.

The Child Welfare Act provides that in child welfare cases involving a child of 12 years of age or more, the child is a party to the proceedings (Child Welfare Act, section 12). When the court provides a child the possibility to argue the case, attention is paid to the communications with the child. In general, in the Administrative Court of Eastern Finland, the mail is addressed directly to a child him or herself, if the child is living at home. If the child is already living outside his or her own home, the mail is sent to the social welfare worker in charge of the child's affairs, who, by right of office, must assist the child in reading and understanding the court's paperwork (Child Welfare Act, section 24).

The Administrative Court also safeguards the child's right to a legal aid. The Child welfare Act provides that social workers responsible for a child's affairs must oversee compliance with the interests of the child and must, by right of office, provide assistance for children or young people in exercising their right to be heard and, where necessary, must direct the child or young person to seek legal aid or ensure that an application is made for a child's guardian (previously mentioned Child Welfare Act, section 24). However, the Administrative Court may appoint a legal advisor for a child for court processing of a case if the child or the child's legal representative so requests or if the court otherwise deems such an appointment necessary. If an administrative court appoints a legal advisor in spite of the fact that the child or the child's legal representative has not informed the court of their desire to have one, the legal aid is free of charge (Child Welfare Act, section 87).

In the provision of child welfare, the child's wishes and views must be ascertained and they must be taken into account in a way that is appropriate for the child's age and level of development (Child Welfare Act, section 20). This obligation applies to children of all ages, also to children under the age of 12 years. If necessary, in addition to the authorities, the Administrative Court can appoint a guardian to a child if the custodian is unable to supervise the child's interests in the case without prejudice; and designation of a guardian is necessary in order to investigate a case or otherwise to safeguard the interests of the child (Child Welfare Act, section 22, Administrative Judicial Procedure, section 19a).

According to the Child Welfare Act section 86, children may be heard in person by the Administrative Court if a child requests it or consents to it. In connection with the hearing, children may not be given such information that could seriously endanger their health or development. Children under 12 years of age may, however, be heard in person if the hearing is necessary for settling the case and it is estimated that the hearing will not cause the child concerned significant harm. Children may also be heard in person so that only one or more members of the court and the child concerned are present – if this procedure is necessary to protect the child or to ascertain the child's independent views. The parties concerned and the authority making the application or decision must reserve an opportunity to see the case material drawn up or recorded concerning the content of the hearing and to give an opinion on its content. The right of the parties concerned to receive information may be limited if information is withheld to protect the child or to safeguard some other extremely important interest of the child.

The Administrative Court has a pronounced duty to clarify the matter in order to achieve the best interest of the child. Hearing of a child is a part of this task. My personal view as an administrative court judge is that the applicable law promotes adequately and appropriately the principal that in deciding child welfare cases the best interest of the child means the opinion of the child is heard and considered. However, it is important that I reflect on my own work constantly in order to promote the hearing of the child in practice in every decision-making process.

LITERATURE

Administrative Judicial Procedure Act 586/1996. https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1996/en19960586_20150891.pdf Retrieved 26 March 2019.

Child Welfare Act 417/2007.

Courts Act 673/2016. Available at <https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/2016/en20160673.pdf> Retrieved 26 March 2019.

SOME PROBLEMS OF ADJUDICATION OF JUVENILE OFFENCES

YAROSLAV B. ZHOLOBOV

According to the Russian legal paradigm, a court takes an important place in the system of the protection of minors' rights and legitimate interests. It includes the set of public authorities, local governments, public and municipal authorities, officials, the non-governmental non-profit organizations which carry out, on the basis of law, established procedures whose actions are aimed at realization and ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of the child (Federal Law Draft "On Bases of Juvenile Justice System"). The recovery and rehabilitation of minor offenders is the priority of these measures, activities and procedures. Although the court is not the only element of juvenile justice and does not carry out the final role in this system, however, exactly in the course of legal proceedings the key problems of state social and youth policy come to light.

As a rule, minors are given the closest attention in the system of juvenile justice in Russia, especially those in socially dangerous situations because of neglect or homelessness or when their lives or health status do not meet the established requirements of adequate upbringing and nurturing. This also includes minors who commit offenses or antisocial actions.

Protection of minors' rights in justice administration of the criminal cases is provided, first of all, by international legal acts.

So, in the Convention on the Rights of the Child, part 1, article 3, it is provided that in all actions concerning children, irrespective of whether they are undertaken by public or private institutions dealing with issues of social security, courts, administrative or legislative bodies, priority is given to ensuring the best interests of the child.

According to United Nations minimum standard rules on justice administration of minors' cases (Beijing rules), the system of justice is aimed first of all at providing well-being of the minor and providing that any corrective actions for minor offenders are always commensurable both with features of the identity of the offender, and with the circumstances of the offense (item 5.1). In all cases, except minor offenses, before the competent authority's final decision preceding adjudication, it is necessary to study carefully the environment and conditions in which a minor lives, or circumstances under which offenses were committed to promote pronouncement of the reasonable judgment by the competent authority on the case (item 16.1). Besides, when dealing with minors the process has to consider their age and desirability to foster reformation according to part 4, article 14 of the International Covenant on Civil and Political Rights (The International Covenant on Civil and Political Rights, 1966).

At the same time, the provisions of the Plenum resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.02.2011 No. 1 "About judicial practice of legislation application regulating the features of criminal liability and punishment of minors" are focused on the upbringing nature of the measures applied to minor offenders. In this, special attention is paid to preventive influence and need for understanding the reasons and conditions compelling the minor to commit crimes in each individual case.

The common practice of collecting the minor's characterizing data during the pre-judicial process usually consisted of collecting inquiry information. It included

data from special records and presenting one characteristic from the study place and residence.

At the same time, documents characterizing a minor's living conditions and upbringing have to contain information about the situation where the minor's identity developed (in family, school and the minor's inner circle there must be available conditions for moral formation of the personality, including material and household resources), the carrying out of parental obligations for upbringing, the minor's communication skills and contacts, pastimes, relationships with seniors and peers, attitude toward study, work, participation in peers' lives, the reason for unemployment, data on substance abuse, about the household circle, contacts, interests, behaviour at home, the relationships with parents and lawful representatives for upbringing, their influence on behaviour of the minor. (Podshibyakina 2015).

In fact, by considering the criminal cases in court it is impossible to study all details and the full environment, conditions of a minor's activity and also all circumstances under which a crime was committed. First, it concerns "scarcity" of the provided information by the bodies of preliminary investigation: biographical particulars of the minor and the characterizing documents about residences and places of study contain the minimum amount of information. Secondly, the lack of full information on the minor is not the basis for the case to return to the prosecutor according to article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

The state system of the social services created on the basis of the principles of rehabilitation is supposed to be able to submit full information about the juvenile offender to bodies of preliminary investigation and the court.

However, in most cases the court is an initiator of collecting necessary data, and, because of restrictions of procedural powers and terms of criminal case consideration, the collected data have no integral and system character; they are partial and do not give full answers about the most adequate and possible measures of upbringing impact on the defendant.

Respectively, finding solutions to issues regarding minor defendants' release from criminal liability and punishment and also making decisions about the type of punishment and its duration is complicated.

According to part 2 of article 90 of the Criminal Code of the Russian Federation, coercive measures of upbringing impact are:

- warning;
- taking into care or supervision of the parents or persons
- replacing them or specialized public authority;
- imposing a duty to lessen the harm done;
- leisure restriction and imposing special requirements to minor's
- behaviour.

Unfortunately, the first two types of measures do not perform in fact recovery functions of justice. Harm lessening is also indirect as it is carried out by parents or lawful representatives of minors, because of the lack of minor's own income. Restriction of leisure and imposing special requirements to behaviour of minors has no legal forms of control. All these drawbacks do not contribute to a significant influence on upbringing effect.

Enshrined in article 88 of the Criminal Code of the Russian Federation, the sentences imposed to the minor (penalty, deprivation of the right to be engaged in a certain

activity, obligatory and corrective works, restriction of freedom, imprisonment for a certain term), generally carry retaliatory, but not rehabilitation character.

During 2010–2017, among all types of sentences imposed to minors in the structure of punishments, imprisonment resulted in 24% of cases on average. 65% of minors in the age category of 14–15 years old comprised the main bulk of the court decisions of upbringing effect of coercive measures. At the same time, the proportion of those called for responsibility at the age of 16–17 is on average twice as high, as compared to 14–15 year olds.

Assigning punishment to minors in the form of imprisonment is conditional, according to article 73 of the Criminal Code of the Russian Federation, and it is not perceived by the sentenced minor very seriously, and strengthens his belief in “impunity” of deeds. Such attitudes lead to further committing of new crimes before expiration of probation and, thus, to real imprisonment that makes a strong and stressful impact on the minor and acquaints him with the criminal environment. As a rule, such experiences result in exasperation of the child and increases their bitterness toward “the adult world”.

Judicial practice in St. Petersburg, Rostov region, Permsky Krai and in other regions testifies that we badly need specialization in working with minors. This not only concerns judges, but also law enforcement agencies, social services and institutions, criminal and executive inspections. We need to establish a system of probation (criminal guardianship and supervision) for minors.

The key value of the result of justice administration is execution of the imposed sentence. However, it should be noted that criminal and executive inspections in Russia, as compared to other countries, are not equipped with the following functions of probation services including: submission of pre-judicial reports to the court and prosecutor’s office, especially when the court decides to place a measure of restraint in the form of arrest; organization of the procedure of reconciliation of the offender and victim of crime; development and implementation of programmes of correction of social behaviour of persons under surveillance; solutions to questions of the best way to ensure the interests of the sentenced minor. The fact is that the Russian criminal and executive inspections do not really help them with social adaptation and do not provide their social aftercare.

As it is provided in article 3 of the Penal Code of the Russian Federation, the recommendations (declaration) of the international organizations for execution of punishments and treatment of convicts are implemented in the criminal and executive legislation of the Russian Federation when necessary economic and social opportunities are available.

The solution to problems of minor’s rights protection at enforcement of court judgments includes: assistance in employment of minors, educational opportunities for minors, solutions to various household problems, especially in cases of living with a dysfunctional family.

Improvement of legal proceedings means its compliance with international legal standards taking into account the principles of legality, personal targeting and decisions qualification concerning minors who are in a difficult or socially dangerous life situation.

The main goal of different authority bodies is connected with elimination of a departmental approach in dealing with minors, using for result assessment, qualitative rather than quantitative indices i.e., the level of collaboration of different departments in solution the problems of the child.

It was indicated in article 13 of the Federal law of 24.06.1999 No. 120-FL "About Bases of a System of Prevention of Neglect and Offenses of Minors" that to specialized institutions dealing with minors who need social rehabilitation, belong:

- 1). Social and rehabilitation centres for preventing neglect of minors and their social rehabilitation in a difficult life situation;
- 2). Social shelters for children providing temporary residence and social rehabilitation of the minors who appeared in a difficult life situations and needed the emergency social help of the state;
- 3). Support centres for children without parents intended for temporary housing minors, also without other lawful representatives, and providing them future social aftercare.

At the municipal level, local bodies create the commissions which carry out activities within district and the city territories. Those commissions fulfil almost the whole range of obligations for implementation of the powers assigned by law, including files consideration of administrative offenses committed by minors and their parents; carrying out crime prevention activity among "difficult" teenagers and coordination of all branches of prevention system.

In Pushkin district court and other courts of St. Petersburg, methodical recommendations for inquiry officers, investigators and researchers collecting the data characterizing the identity of the minor defendant are developed.

Together with the public institution called the City centre of abandonment and drug abuse prevention of minor suspects "CONTACT" (henceforth referred to as the Contact Center), the card of social aftercare of the minor defendant is developed. So, at initiation of legal proceedings the inquiry officer and investigator report about initiation to the specialists of the Contact Center who, in turn, conduct social surveys on upbringing conditions, training, accommodation, communication of minor suspects, defendants, and since 2015 the minor victims as well. In the course of the investigation, the specialist of the Contact Center communicates with parents, studies living and upbringing conditions, while communicating with teachers, schoolmates of the suspect and the accused minor. Moreover, the investigator also examines minor's behaviour with peers in sport and hobby groups in which the minor can participate. The received results are reported to the inquiry officer and to the investigator for attaching to the criminal case file in the form of the card of social aftercare. Without fail, the minor suspect is by judicial order evaluated by expert psychologists and psychiatrists

Collected personal data and results of a social investigation are displayed by the investigator in the indictment that allows the court to most qualitatively and comprehensively consider the cases in a reasonable time and to define the most effective type of criminal penalty, taking into account the identity of the defendant and conditions of his life and also to take measures for release from punishment and application of compulsory upbringing measures.

Social support by specialists from the Contact Center is provided for minors enlisted in the inspectorate for the minors' affairs at police departments who are under examination or conditionally sentenced. Social follow-up of minors includes assistance in receiving psychological, legal and medical care, the organization of leisure, career guidance and employment. For example, the organization of excursions for free, visits to theatres and museums for teenagers, and during the periods of school breaks –resting at children's recreation camps. Prevention activity with youth is en-

sured by holding lectures and seminars about legal literacy, a healthy lifestyle for school children and students of special educational colleges.

Taking into account the above-stated efficiency of the justice administration of criminal cases with minors involved directly depends on completeness and quality of coherence and cooperation of the available state social services with bodies of preliminary investigation, bodies of penalty enforcement and the court itself.

LITERATURE

PRIMARY SOURCES:

The Convention on the Rights of the Child. Adopted by resolution 44/25 of the United Nations General Assembly 20.11.1989 (came into force for the USSR 15.09.1990). URL: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/childhood> (consulted on November 01. 2018).

The International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted by resolution 2200 A (XXI) of the United Nations General Assembly of 16.12.1966. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol (consulted on November 01. 2018).

United Nations Minimum Standard Rules Concerning Justice Administration of Minors (The Beijing Rules). Adopted by resolution 40/33 of the United Nations General Assembly of 29.11.1985. URL: http://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/Beijing_rules (consulted on November 01. 2018).

Federal law draft "On Bases of the System of Juvenile Justice". URL: <https://pravo.studio/pravo-rossii-yuvenalnoe/proekt-federalnyiy-zakon-osnovah-sistemyi-74477.html> (consulted on November 01. 2018)

SECONDARY SOURCES:

Antonyan E.A. Coercive Measures of Upbringing Influence: Problems of Appointment and Application// *Lexrussica*. 2018. No. 9. Page 112 - 118.

Kostenko E.N. Objects of Public Prosecutor's Supervision of Performance of Laws on Prevention of Neglect and Offenses of Minors// *Modern Law*. 2018. No. 7-8. Page 28 - 33.

Podshibyakina O.S. Features of Consideration of Criminal Cases Concerning Minors// *The Judge*. 2015. No. 7.C. 15 - 19.

LAW ENFORCEMENT PROBLEMS OF RESTORATIVE JUSTICE PROGRAMMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

TATYANA V. ISAKOVA

This article is focused on studying international rules of law that regulate application of restorative justice. It also it defines the principles of comparative research in the legal sphere. The usage of principles of restorative programmes is set out in the article and the sphere of national regulation of conciliation procedures is discussed.

It is concluded that restorative justice implies comprehensive development of the principle of disposition in criminal procedures and collaboration of state and society.

For the last twenty years, much was said about «restorative justice» in various contexts; different names were given to it in many countries. Its development originated among scientists, specialists of justice and social leaders. The concept of restorative justice suggests alternative dispute resolution, alternative methods of imposing sanctions or a «new» model of criminal justice based on principles of rehabilitation of victims, offenders and communities where they used to live. The concept can provide actions that do not intersect with a formal trial, the actions that go simultaneously with it; and meetings between offenders and victims at any step of criminal procedures (from the arrest and pre-trial detention to release). The process of restorative justice was used in juvenile and criminal justice, in child protection cases and mediation in family disputes.

The concept has a lot of names, among them: reparative justice, transformative justice and informal justice. Global communications of scientists, people within the judicial system and social leaders led to the creation of a multinational system of ideas and as a result the main terms changed in their meaning and use.

The core of restorative justice principles in Russia is based on the international law rules: United Nations Convention on the Rights of the Child dated 1989, United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice, (The Beijing rules, 1985) and Ayr-Riyadsky Agreements of 1991 (The United Nations Guidelines for the Prevention of Juvenile Delinquency Resolution, 28 March 199, A/RES/45/112). Implementation of the recovery approach in Russian juvenile justice was initiated by the Public Centre for Judicial and Legal Reform in 1997. Activity towards practical exploitation of recovery justice programmes, theoretical understanding and methodical guidance of inclusion of mediation in the Russian criminal process led to the organization of the first experimental platform in Russia in 1998, where VOM became included in juvenile criminal justice. The experimental platform, based on Cheryomushki district court in Moscow, became a prototype for formation of the Russian model of restorative juvenile justice and use of restorative justice programmes in reaction to juvenile offences.

At the legislative level, in Russia the term «restorative justice», as a new approach to administration of juvenile justice, is aimed not at the punishment of the juvenile offender by isolating him from society but on restoration of material, emotional and psychological (moral) and other damages caused to the victim, community and society. This includes understanding and making up for the offences, restoration of the relations, assistance in rehabilitation and resocialization of the offender. Such notion

was used in the Concept of Development until 2014, which was formed for the purpose of implementation of a National Strategy of Actions in Favour of Children's Interest for the Years 2012–2017. The Development Concept was extended until 2020 in accordance with the Government Order on the 1st of September of 2018.

In this paper, the recovery approach is considered as priority work with juvenile offenders in creating friendly justice for the child, and in the field of response to school conflicts.

However, there are some difficulties concerning the Strategy. We cannot consider it to be based on some unified approach, and all scheduled work directions can appear to contradict each other. One more risk is that all guidelines concerning creation of conciliation services can lead to the formalization of valuable and substantial bases of approaches. In any way, new opportunities at the same time can appear as a challenge for the Russian community of recovery practices.

Initiative groups are organized in several Russian regions, carrying out programmes of recovery justice. The Association of All-Russian Recovery Mediation was founded in 2009. It developed the standards as a source of information used by mediators, leaders and specialists of reconciliation services and governing bodies of various departments interested in mediation. Representatives of more than 15 regions of the Russian Federation are included in the Association. Let us keep in mind the fact that there are no norms in Russian legislation pointing to the use of mediation in criminal procedures or the activity of the social workers with juvenile offenders (though there is experience of favourable legal consequences of reconciliation between the defendant and the victim). Nevertheless, several legal institutes allow using «juvenile technologies» in work with juvenile defendants.

Formation of new practices began with referral of cases for mediation at the judicial phase, but naturally, it is more correct to begin work with the juvenile defendants at a stage of preliminary investigation which lasts for several months. However, there are no special investigators for juvenile defendants in Russia. Detection of the crimes committed by teenagers, and ways of working with them, follow a common scheme. In post-reform Russia, courts proved their independence in dealing with juvenile crimes and became more open to realization of new approaches.

In general, the practice of recovery justice widens, however it is impossible to speak about stability of this process. Comparative monitoring data for the last four years show contradictory trends: on the one hand, a number of programmes in some regions grow, but on the other hand, in comparison with previous years, programmes are being closed. Closing is explained by lack of institutionalization forms of practice, shifting leadership and lack of clear administrative and legal forms of institutionalization restorative programmes. Moreover, recently there were serious changes in educational policy and social protection so that, in economic terms, it is difficult to justify the importance of similar services activity during a reorganization period. But on the other hand, conciliatory programmes on juvenile offences are practiced in other Russian regions too, and they are not yet a part of information gathering systems of the Recovery Mediation Association.

With all the complexities, there is clear progress in the development of the juvenile justice system in response to crimes committed by juveniles. Though, criminal justice includes proceedings of such cases, its targets move towards educational and resocializing justice. According to the information collected by the special working group of the Judicial Council of Russian Federation in 2017, juvenile technologies in cases with juvenile offence were applied in courts in 52 entities of the Russian Federation. Currently, this field is expanding and other territories are joining this process.

LITERATURE

- The UN General Assembly, The United Nations Guidelines for the Prevention of Juvenile Delinquency (The Riyadh Guidelines) Resolution/ adopted by the General Assembly, 28 March 1991, A/RES/45/112, available at <https://www.refworld.org/docid/5290b79c4.html> [consulted on December, 7. 2018]
- Howard Zehr, Restorative Justice: New Look on Crime and Punishment – M.: MOO Centre «Judicial and Legal Reform», 2002.
- Committee’s Recommendations of Ministers of the Council of Europe № R (99)19 от 15 сентября 1999 г. «Mediation in Criminal Cases».
- Compendium of United Nations Standards and Norms in Crime Prevention and Criminal Justice // Human Rights. – New-York, 2007.
- Karnozova L., Maksudov R., Flyamer M. Restorative Justice: Ideas and Perspectives for Russia // Russian Justice. – 11. – 2000.
- Guskova A. P., Emelyanov V.A., Yurchenko L.V., Criminal Procedure Questions of Juvenile Justice Organization in Modern Russia // monograph. Orenburg: pub. h. OGAY. 2009.

YOUNG OFFENDERS IN BETWEEN THE CRIMINAL JUSTICE AND SOCIAL WELFARE SYSTEM

MARI SUONIO

INTRODUCTION

The Convention on the Rights of the Child states that every child should be treated with the promotion of the child's sense of dignity and worth, and with respect for human rights, considering the child's age. Also, legal safeguards of the child must be respected. In addition, alternatives to institutional care shall be available, such as care, counselling, probation, foster care and education (The Convention..., article 40). Finland is committed to the convention, and must follow the principles of the rights of the child.

When considering a young offender – a minor offender – you cannot avoid the social welfare system. When an offender is aged 15 to 17 there is always social welfare, or child protection, involved. Like Tapio Lappi-Seppälä (2011, 1) says, 'Juvenile Justice in Finland has one foot in the adult criminal justice and another foot in the child welfare system'. This is a result of the process of child protection legislation, but also a question of criminal justice in Finland. Marttunen (2008, 13-14) clarifies that even if criminal justice should have the final response to the criminal behaviour of minors, social services are responsible for the treatment of the problematic behaviour.

All offenders under the age of 15 are dealt with only by the child welfare authorities and young offenders aged 15–17 are dealt with both by the child welfare system and the system of criminal justice (Lappi-Seppälä 2011). However, these two systems are based on fundamentally differing principles. The child welfare system emphasizes the best interest of the child – that is always the priority. The criminal justice system treats and uses the same criminal code with all offenders older than 15 years old. There is no separate juvenile criminal system in Finland. However, offenders aged 15–17 benefit from a mitigated scale of punishment. An offender who was under eighteen at the time of the offence cannot be sentenced to unconditional imprisonment unless there are weighty reasons for doing so. (Lappi-Seppälä 2011)

In this paper, I will discuss the age-related system in Finland, and I will concentrate on the social work point of view. The Finnish legislation has been developing since the 18th century when it comes to the age-related treatment of young offenders. Now-adays the main trend in criminal justice is towards risk governance, but still for ex-ample, community sanctions have developed rapidly.

AGE AND THE SYSTEM

As seen in the following figure 2, there is a lot of overlapping between the legislation. The starting point of the child welfare is always the best interest of the child. When a minor under 18 years old commits a crime, social welfare services and child pro-

tection should always be involved. When an offender is under 15, it is a question of social welfare legislation. A social worker should always estimate the need for child protection with a minor offender. Even if criminal justice is not applied with minors under 15 years old, they are responsible for the damages caused through the offence. In principle, offenders are personally responsible for financial damages despite age.

Since we do not have juvenile justice courts in Finland, all criminal cases are dealt with in the same district courts. However, the act concerning the Investigation of the Circumstances of Young Offenders is applied with offenders aged 15–21. The act defines, for example, that the conditions and circumstances (family and social life, health-related issues, education and employment, previous criminal activities) must be considered in a court process.

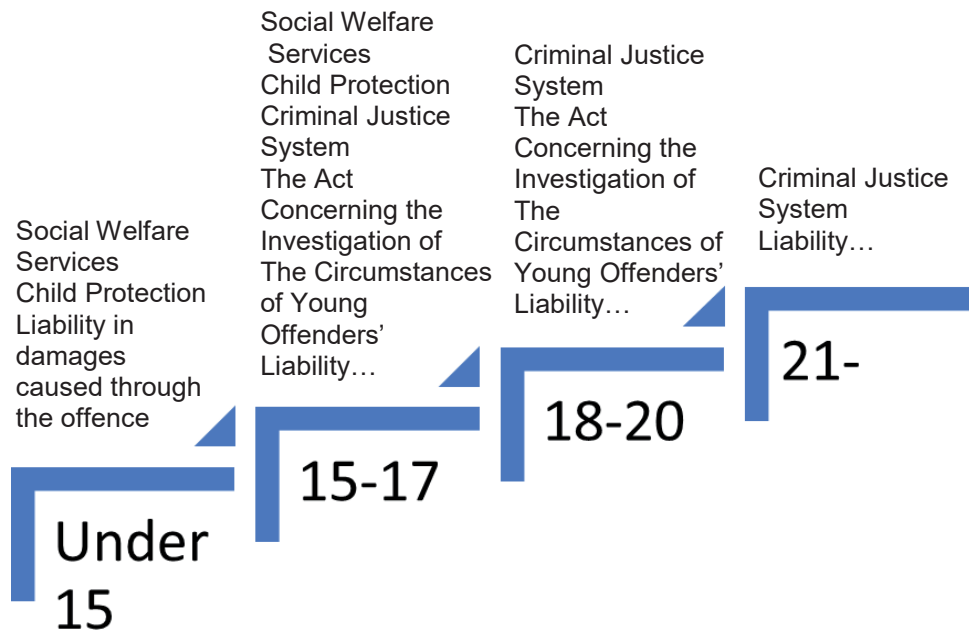

Figure 2. Age and the System

All in all, the ages between 15–17 are the most delicate times for cooperation between criminal justice and social welfare services. It involves both organizations in processes and quite often also some special care units and institutions of child protection. As Harrikari (2008) pronounces, criminal justice and child protection function side-by-side.

CHARACTERISTICS TO THE YOUNG OFFENDER

When we think about the sentencing process, a social worker who is usually working at the police department takes part in the hearings of minors. However, this is not a norm, and there is geographical variation with regard to whether or not there is a social worker based at the police department. When it comes to under-aged offenders, the best interest of the child in the process is considered by child protection.

The main points of the treatment of minors are protection, support and age-specific consideration of the content of the sanctions (Suonio 2015). UNICEF (2013) adduces that the role of a social worker is to assist the child from the moment of arrest, prepare social enquiry reports on the child's circumstances, supervise young offenders in the community, support during custodial sentences, prepare the child for release, and to give post-release support and aftercare. Although the authorities who are responsible for these tasks in Finland are not necessary social workers, they work in close multi-professional collaboration with them.

One key issue working with young offenders is the multiprofessional dimension of social work. For example, social workers in schools or in substance abuse rehabilitation clinics. The key issue is to provide a safe and an educational environment with life without offences. In fact, the penal scheme in Finland is also based on the welfare approach (see Linderborg 2014), and in the big picture the support as a part of the sentence is seen as a multiprofessional collaboration. All in all, support in community sanctions is strongly based on social work.

As a specific sanction for minors, there is a system of juvenile punishment. It is based on the co-operation between different parties. The Criminal Sanctions Agency draws up the pre-sentence report together with the young offender, his or her guardian and the social welfare authority. The report is based on the information received from the joint meetings, the young offender's interview, the guardian's hearing, and different authorities. However, juvenile punishment is not that widely used in the Finnish criminal sanctions system. The most-used sanctions for young offenders are conditional sentences with supervision (average daily number 727 in 2017). When there are only a few juvenile punishments (daily average in juvenile punishment was 7 in 2017), there are only a few prison sentences among 15–17 year olds (10 in 2017). However, the recidivism rate is quite high among young offenders. About 80% of the age group 15–21, with a previous prison sentence, committed a new crime. (Criminal Sanctions Agency 2017)

According to the Child Welfare Act, 'special care may be arranged for the child "in order to interrupt a vicious circle of intoxicant abuse or crime or when the children's own behaviour otherwise seriously endangers their lives, health or development". The purpose of special care is to interrupt the child's behaviour that is harmful to him/herself and to allow the provision of comprehensive care to the child'. (Pösö et al. 2011, 249) However, the special care (e.g. reform schools) is only for those who have severe problems and usually already a quite long history in child protection, and also in criminal behaviour. This is only the case for child protection, but for example a young person under 18 with a criminal background may be placed in special care.

As we know, the criminal behaviour of minors is explained by various criminological theories. For example, the strain theory explains how society puts pressures on committing crimes, and a young person feels that (s)he does not have any other option. On the other hand, social learning theory sees causation between environment, peers, family and a minor. That means, how a young person learns antisocial behaviour from their environment (see e.g. Kivivuori 2008). In general, risk taking and receptivity to risk behaviours is one key issue that characterizes a young offender. I think it is important to apply the ideas of criminological theory to working with young offenders, for example, by adapting care and education to criminal sanctions (see Pösö et al. 2010).

In all criminal sanctions for young offenders, supportive measurements are the main thing. Social support by the sentence, and concentration on the risk factors during the sentence is crucial when the goal is a crime-free life after sentence. Risk

behaviour belongs to the youth as well as learning to live according to the norms and rules of society. One reason for the criminal behaviour of young people is based on this. The importance of prevention and early support for those who are at risk is crucial. Consequently, it is important to address resources for example to schools, youth work, training and education. Social work has an important preventive role with children and minors.

IN BETWEEN – DISCUSSION

When you describe the treatment of young offenders, the key element is partnership between the systems. There is a need for criminal sanctions, but the sanctions must be mitigated. Also, in many cases there is a need for child protection, but the longer child protection process is not necessary if it is estimated that a young person gets enough support from his/her family, school, friends – the environment.

It is important to remember all parts of the process when it comes to young offenders. Protection, education and punishment all have a role in sentencing. In fact, it would be beneficial to study effectiveness of interventions that are made in between the systems. What characterizes it and how recidivism can be reduced?

When you think of criminal careers, usually there are some personal or family traumas behind the scenes. The criminal behaviour might be a symptom of victimization. There is not enough research on background profiles of those who commit crimes.

Finally, there must be a balance between prevention (based mainly on welfare approaches) and management of risks (criminogenic, or criminological theories). For that, it is important to maintain the link between the two systems and conduct inter-disciplinary research.

LITERATURE

- Criminal Sanctions Agency. 2017. Statistical Yearbook. Available at https://www.rikosseuraamus.fi/material/attachments/raise/julkaisut-tilastollinenvuosikirja/xZlsnncf1/RISE_Statistical_Yearbook2017.pdf Retrieved 20 Nov 2018.
- Convention on the Rights of the Child. Available at <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/crc.aspx> Retrieved 15 Nov 2018.
- Harrikari, T. 2008. Exploring risk governance in the Nordic context. *Current Issues in Criminal Justice* 20(1), 29–42.
- Lappi-Seppälä, T. 2011. Alternative to custody for young offenders. National Report on Juvenile Justice Trends Finland. European Project 'Alternatives to Custody for young Offenders – Developing intensive and Remand Fostering Programmes'
- Marttunen, M. 2008. Nuorisorikosoikeus. Alaikäisten rikosten seuraamukset kriminaalipoliittisesta ja vertailevasta näkökulmasta. (Juvenile Criminal Justice: Comparative and Criminal Policy Perspective on Sanctioning Juveniles. National Research Institute of Legal Policy. Publication 236. Helsinki.
- Pösö, T. & Kitinoja, M. & Kekoni, T. 2010. Locking Up for the Best Interest of the Child - Some Preliminary Remarks on 'Special Care'. *Youth Justice* 10:245, 245–257.
- Suonio Mari. 2015. Historical Considerations of the Position of Young Offenders in the Criminal Sanctions Law in Finland / Положеніє молодїх прїстїпникїв б законї об угїловнїх санкцїях б фїнлїандїє їкторїтїсєкоїє тїтскї єренїя. In: Dryakhlov Sergei K, Ocheredko Victor P (eds.) *Youth Socializing: Problems of Interrelation of Law and Social Pedagogics / Sotsializatsija molodezhi: Problemi vzaimodejstvija prava i sotsialnoi pedagogiki*. PETROPOLIS, 80-89.
- Unicef. 2013. The Role of Social Work in Juvenile Justice. Available at <http://www.socialserviceworkforce.org/system/files/resource/files/The%20Role%20of%20Social%20Work%20in%20Juvenile%20Justice.pdf> Retrieved 20 Oct 2018

YOUNG OFFENDERS AND DISTRICT COURT IN FINLAND

JUSSE MÄÄTTÄ

INTRODUCTION

Finnish District Courts deal with criminal cases and civil cases. This essay gives an overview of the procedure in criminal cases when the defendant is a young person. Finnish criminal law and law of procedure include provisions (rules) that shall be applied when the defendant is young. These rules are mainly in the Criminal Code of Finland that regulates the sentences, in the Criminal Procedure Act and in the Act on Discovering the Situation of a Young Suspect.

In Finnish law, the age limit for criminal responsibility is fifteen years. The acts committed by a person younger than 15 years of age do not come to criminal trial. Children under 15 years of age may be subjected only to measures taken by child welfare authorities. It is a matter of police and social authorities to direct the child towards a life without crime. Children are subject to civil liability (compensation for damage), but the compensation is adjusted.

PROCEDURE

If the offender is 15 – 17 years of age, his or her age can be taken into consideration in conditions for waiving of measures. Depending of the offender's age and if the offence is not severe, the police can decide not to report the offence to the prosecutor. And the prosecutor can decide to waive prosecution (not to bring a charge in the District Court), if the offence is deemed to be the result of lack of understanding or thoughtlessness (Criminal Investigation Act 3:10 and Criminal Procedure Act 1: 7).

Mediation outside court is possible and a settlement reached by the suspect in the offence and the injured party may be taken in account in deciding of a possible non-prosecution (Criminal Procedure Act 1:8). Mediation outside court is managed by the municipal social welfare office or by an independent organization. The initiative for submitting cases to mediation often comes from the police or from the prosecutor.

When a person who has committed on offence at age 15 – 20 (under 21) is prosecuted in the District Court for an offence and unless it is evident that the sentence is going to be a fine, a pre-sentence report about the person's personal circumstances shall be acquired by the Criminal Sanctions Agency. To make this report, the Criminal Sanctions Agency shall in cooperation with the social services body collect information about the young suspect's personal circumstances, especially about use of intoxicants, mental health, use of mental health services, need for other services and support and other circumstances which are associated with the person's social situation. The suspect's need for supervision (if the sentence is conditional imprisonment) is also taken into account in the report (Act on Discovering the Situation of a Young Suspect, sections 4 and 5).

When the case comes to the court, the court must, when necessary, check that the pre-sentence report is disposable in the court proceedings. In practice, the pre-sentence report is necessary when a more severe sentence than a fine is considered. The court must also give an opportunity to the official of the Criminal Sanctions Agency to be present in the court hearing.

For young persons, it is easier to get a public defender or an attorney than for adults. According to Criminal Procedure Act 2:1, a public defender is to be appointed for a suspect ex officio, when the suspect is under 18 years, unless it is apparent that he or she has no need for a public defender. The District Court appoints the public defender. The fee to a public defender shall be paid from state funds. If the court finds the suspect guilty of the offence, the suspect shall be ordered to reimburse the State fully or partially only if the suspect does not meet the income criteria for legal aid.

Alternatively, an attorney for the suspect can be appointed by a State Legal Aid Office. The advocate appointed by the legal aid office can be a public legal aid attorney, an advocate or a licensed attorney.

In both alternatives (a public defender or an attorney ordered by the Legal Aid Office) the fee of the defender or attorney will principally be paid from state means if the person's available means (monthly net income minus some expenses such as housing expenses) is not more than 600 euros monthly and partially if the person's available means is not more than 1 300 euros monthly (Decree on Legal Aid).

Usually the trial in the District Court takes a shorter time in youth criminal matters than in criminal matters with participation of adults. If a person at age of 15 – 17 is prosecuted for an offence of which the maximum sentence is more than 6 months imprisonment, the court session shall be held in 30 days from the time the case came to court (Criminal Procedure Act 5:13). This is because it is thought that the longer the time between the crime and the enforcement of punishment, the less preventive effects it has in regard to juvenile delinquency.

When the suspect is less than 18 years of age, he or she shall personally exercise his or her right to be heard in the court, but also the person responsible for his or her care and custody or other legal representative, have an independent right, parallel to the defendant, to be heard in the proceedings, usually in the court hearing (Code of Judicial Procedure 12:2). In practice, the minor defendant is in most cases ordered to appear in person in the court session and his or her parents have the opportunity to be present.

In practice, juvenile defendants less than 18 years of age are usually ordered to appear in person in the court session even if he or she had admitted to the act described in the prosecutor's charge. The Criminal Procedure Act gives the possibility to decide the case regardless of the absence of the defendant in the court session if his or her presence is not necessary for the resolution of the case and if he or she is informed about this in the summons, but this procedure is seldom applied in cases of minor defendants. It is usually considered that it is not good to sentence young offenders, especially first offenders, without hearing them personally.

The personal presence of a young defendant in the court hearing may have educational significance that promotes abstaining from crimes. This is related to clarifying the offence and the effect of the offence on the injured party.

Also, when the suspect is less than 18 years of age, the District Court shall reserve the social services body an opportunity to be present in the court session. According to Child Welfare Act 4:24, the municipal body responsible for social services must be represented in the pre-trial investigation and the court proceedings on a punishable

act alleged to have been committed by a child, unless the municipal body responsible for social services deems such presence to be unnecessary.

According to the Criminal Procedure Act, a written proceedings (a procedure in the District Court without a court session) is possible in certain cases and provided that an adult defender admits the act described in the prosecutor's charge. The written proceedings is not possible if the defendant was 15 – 17 years of age at the time of the offence.

PUNISHMENTS

If a young offender of age 15 – 17 is found guilty of an offence, the District Court can impose the general punishments which are the same as for an adult: fixed fine (the only punishment for certain minor infractions), fine, conditional imprisonment (1 – 3-year probation period, with or without an ancillary fine), community service, monitoring sentence and unconditional imprisonment. However, the following differences apply:

The minimum and maximum sentences are reduced. The maximum sentence is $\frac{3}{4}$ of the normal maximum sentence and the minimum sentence is the minimum sentence for the type of punishment (fine, imprisonment, etc.), independent of a possible minimum sentence depending of the severity of the crime.

For example: the penal latitude of aggravated drunken driving is a 60 – 120 day-fines or 14 days to 2 years imprisonment if the offender is an adult, and in case of a person less than 18 years of age the penal latitude is 1 – 90 day-fines or 14 days to 1 year 6 months imprisonment (one day-fine is an unit fine determined on the basis of the financial situation of the offender, for example: if monthly income is 500 euros, one day-fine is 6 euros).

If the offender is under 18 years of age, unconditional imprisonment can be imposed only, if there are weighty (special) reasons (Criminal Code 6:9).

Also, a juvenile penalty may be imposed for an offence committed at the age of 15 – 17. It is the only specific punishment for young people (Criminal Code 6:10a). Juvenile penalty consists of supervision, different activities and programmes promoting the young offender's social functioning ability, and introduction to working life and work. In court practice, the juvenile penalty is however quite seldom used, and instead courts often impose conditional imprisonment instead of juvenile punishment.

When community service is considered and the person is less than 21 years of age, previous crimes do not represent an obstacle to community service as often is the case for adults. According to Criminal Code 6:11, commission below the age of 21 years is deemed a ground supporting the imposition of a community service order in assessing the significance of earlier sentences (Criminal Code 6:11). Community service comprises 14 – 240 hours of unpaid work under the supervision of the Criminal Sanctions Agency.

Also, if the offender was 15 – 20 years of age at the time of the offence, supervision can be imposed to reinforce conditional imprisonment (Criminal Code 6:10). Supervision can be imposed if it is considered that it promotes his or her social adaptation and prevents further offences. The supervision consists of regular meetings with a supervisor. The supervision meetings may also include different kinds of tasks or programmes that promote social functioning availability.

Withdrawal from a sentence (waiving of punishment) is also possible if the offender has committed the offence below the age of 18 years and the act is deemed to be the result of a lack of understanding or thoughtlessness (Criminal Code 6:12).

There are no specific categories for crimes (depending on the severity of the crime) in Finnish criminal law, although there are many different penal latitudes and many crimes have a petty, normal and aggravated form in the sections in the Criminal Code.

The conditions of conditional release from an unconditional sentence (releasing on parole) are also dependent on the offender's age when the offence was committed. According to Criminal Code 2c:5, a person serving a fixed-term sentence of imprisonment shall be conditionally released when he or she has served 2/3 of the sentence, or in the case of an offence committed below the age of 21 years, when he or she has served 1/2 of the sentence. And a prisoner who during the three pending years has not served a sentence of imprisonment in prison shall be conditionally released when he or she has served 1/2 of the sentence, or, in the case of a sentence imposed for an offence committed below the age of 21, when he or she has served 1/3 of the sentence. Also, prisoners can be placed on probationary liberty under supervision outside the prison before their conditional release.

SUMMARY

In summary, the procedure in criminal cases with participation of juveniles in Finnish District Courts is in some aspects different from cases with adults. The main differences in the proceedings with a young defendant compared to cases with adults are the pre-sentence report, the presence of the young defendant in person during the court session and the rights of the persons having the care and custody of the defendant and the social services body to be heard in the trial.

In principle, the same system of sanctions has been used for both adults and young persons. However, the sentences are lighter for young persons and there are other differences, such as the possibility to impose supervision to conditional imprisonment.

LITERATURE

Act on Discovering the Situation of a Young Suspect 633/2010. Laki nuoren rikoksesta epäillyn tilanteen selvittämisestä 633/2010. An unofficial translation.

Child Welfare Act 417/2007. Lastensuojelulaki 417/2007. An unofficial translation.

Code of Judicial Procedure 4/1734. Oikeudenkäymiskaari 4/1734. An unofficial translation.

Criminal Investigation Act 805/2011. Esitutkintalaki 805/2011. An unofficial translation.

Criminal Procedure Act 689/1997. Laki oikeudenkäynnistä rikosasioissa 689/1997. An unofficial translation.

The Criminal Code of Finland 39/1889. Rikoslaki 39/1889. An unofficial translation.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ТАТЬЯНА ПЕТРОВА

Существуют конкретные характерные черты, наиболее ярко определяющие зрелость и прогрессивность развития национального гражданского общества каждой страны. Одной из них является отношение к детям и соблюдение прав ребенка. Очевидно, что политические, социально-экономические, юридические, социально-культурные и социально-этнические факторы оказывают влияние на развитие системы защиты семьи и ребенка и бросают вызов одновременно. Ни одна из стран не может утверждать, что ее система совершенна и является лучшей.

Тесное международное сотрудничество России с различными европейскими странами в областях науки, образования и культуры в 2000-е годы еще до возникновения недавних колебаний в высокоуровневых политических отношениях привело к идее внедрения норм западной ювенальной юстиции в России. Многочисленные попытки в различных регионах Российской Федерации были предприняты для выполнения этой задачи, но не увенчались успехом. Объяснить причины неприятия западной модели ювенальной юстиции российским обществом пытались многие ученые-правоведы, правительственные лидеры, представители судебной системы и социальных служб.

Спустя много лет стартовал международный российско-финский научно-исследовательский проект «Социальное и организационно-правовое обеспечение прав ребенка в России и Финляндии: сравнительно-правовой анализ», который был призван обнаружить частное и общее, различное и объединяющее правовых основ создания национальных систем защиты прав семьи и ребенка в двух странах. В рамках этого проекта предусматривалось не только исследование и анализ правовых документов, но и изучение более широкого контекста: философии благополучия ребенка, традиционных форм воспитания ребенка в семье и обществе, социализацию молодежи, исторические корни, религиозные традиции и моральные устои семейных отношений. Особое внимание было направлено на решение проблем внутрисемейных конфликтных отношений, когда кризис выходит за рамки интернациональной семьи и находит свое отражение в СМИ.

Институциональное сотрудничество, проходившее в течение нескольких лет в рамках научно-исследовательской работы, помогло исследовать, сравнить и проанализировать социальную, организационную и правовую защиту прав семьи и ребенка в России и Финляндии.

Активное и плодотворное изучение и исследование в этих областях дали свои результаты. Были проведены конференции, семинары, круглые столы, рабочие встречи, к которым с особым интересом отнеслись омбудсмены, представители различных судов двух стран, социальных служб и других институтов. В определенной степени то новое понимание, знание, нахождение точек соприкосновения особенно во взаимном восприятии семейных ценностей дало возможность объяснить причины даже тех проблем, которые лежали за пределами данного проекта.

Установившееся сотрудничество Университета Восточной Финляндии и Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия распространилось за рамки двух университетов, продолжает развиваться и имеет существенный социальный спрос на дальнейшее исследование в этой области.

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ И ДЕТСТВА: НАЧАЛА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

ВИКТОР П. ОЧЕРЕДЬКО

Подшло время обобщения полученных материалов, их теоретической и практической значимости.

В рамках сравнительного анализа рассматриваемой проблемы особое значение приобретает социально-правовой аспект, а именно выявление социальной обусловленности развития национальной модели социально-правовой защиты семьи и ребенка.

Прежде всего, следует зафиксировать принципиальное, на наш взгляд, положение, определяющее наше отношение к обсуждаемой проблеме. В мире существует много моделей защиты прав семьи и ребенка. По сути, каждая страна имеет свою свойственную только ей национальную модель. При этом невозможно назвать лучшую и единственную верную модель. Многообразие моделей не является показателем разного уровня их качества, а отражает многообразие общественного прогресса.

Все современные модели защиты прав семьи и ребенка формируются на основе, закрепленных в законодательстве каждой страны положений:

- Декларации прав ребенка (1959 г.),
- Конвенции о правах детей (1989 г.) и ряда других международных актов.

Вместе с тем все они развиваются под воздействием присущих каждой стране совокупности факторов: политических, экономических, юридических, социокультурных и этносоциальных. Признание этого ни у кого не вызывает возражений. Значительно более важным и трудно исследуемым является выявление конкретных причинно-следственных связей между этими явлениями, механизмов их реализации.

Недостаточное понимание механизмов этих связей, их эволюционного развития порождают неоправданные попытки (прежде всего в России) законодательными и административными мерами стимулировать (перескочить этапы) этот процесс, что неизбежно выливается в усиление социальной напряженности в обществе и, как правило, откат в осуществлении реформирования.

Любая национальная модель социально-правовой защиты семьи и ребенка включает в себя следующие базовые компоненты:

- социальные субъекты,
- институциональные элементы (органы (службы и учреждения) социально-правовой защиты),
- нормативно-правовую базу, включающую в себя стандарты, влияющие на материальное и процессуальное право (Конституция, Кодексы, Законы, Постановления и т.д.),

- духовно-ментальные (социально-правовые ценности, влияние общественности на формирование современных представлений о семье у молодежи).

Сравнительный анализ национальных моделей, в общем, сводится к сравнительной характеристике составляющих ее элементов, выявлению степени их обусловленности, во-первых, национальными факторами, а во-вторых, нарастающей глобализацией всех сторон общественной жизни, в частности, сближением культур, развивающейся мобильностью населения, гармонизацией права. Развивающийся научно-технический прогресс, информатизация и «ИНТЕРНЕТИзация» общества порождают неумолимые императивы, общие проблемы, при решении которых развиваются процессы конвергенции, т.е. сближения самостоятельных социальных структур.

Вместе с тем нельзя не видеть усложнение развивающихся в последние годы тенденций в гуманитарной сфере, оказывающих влияние на гармонизацию национальных правозащитных институтов. Глобализация перестала определяться лишь развитием демократических ценностей. В числе ее оснований все более выступают ценности безопасности личности, общества, государства. Закрепление прав и свобод человека и гражданина в качестве базовой ценности и лежащее в основе развития права право человека и международного гуманитарного права одновременно наталкивается на необходимость обеспечения общенациональных ценностей, государственных интересов. Это существенно корректирует развитие транснациональных общественных связей, международного гуманитарного сотрудничества, осуществление международных исследований.

Центральное место в понимании природы и определении направлений развития национальных моделей защиты семьи и ребенка занимает понимание места семьи в системе общественных ценностей.

Семья – уникальный миниатюрный социум, в котором наиболее ярко проявляются традиции, национальные и религиозные особенности каждого народа. Понимание значимости семейных ценностей в значительной мере определяют степень допустимости вмешательства государства в жизнь семьи и вообще в частную жизнь, в определении приоритетов государственной политики в защите интересов семьи и ребенка. Благодаря нашему тесному сотрудничеству мы уяснили в наших беседах с финскими коллегами, что в финской системе защиты ребенка приоритет отдается **государству**: “Child protection is a social affair in which the public authority, in the name of the best interest of the child, has a statutory right and responsibility for controlling family life”, в российской системе приоритет принадлежит **семье**.

Европейские модели и, в частности финская модель, считает научно доказанным и практически реализованным тезис о том, что определенной ценой (издержками) становления социально благополучного общества (общества благосостояния) является утра значительной части приватности частных (семейных) отношений. В свою очередь российское общество с большей настороженностью воспринимает нарастающее вмешательство государства в эту сферу.

Это отражается в различиях нормативно-правового регулирования различных сторон семейных отношений. Например, в России и Финляндии разные подходы к регулированию опеки и родительских прав. В России мама и папа являются родителями своих детей, а в Финляндии – также и опекунами, причем эти понятия разводятся. Родитель и опекун не обязательно одно лицо.

Право родительской опеки может быть ограничено или передано другому, в частности, комиссии по социальному обеспечению, если органы социальной защиты посчитают необходимым вмешаться и принять меры по защите детей.

В европейском, в частности финском праве, в понятие опеки включается обязательство заботиться о несовершеннолетнем человеке, осуществлять попечение и воспитание, необходимый контроль, а также полномочия решать вопросы, касающиеся личности ребенка, и представлять его интересы. Российскому семейному праву институт родительской опеки неизвестен отношения родителей и детей регулируются с помощью прав и обязанностей, изложенных в семейном кодексе.

В России в действующей **Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года** признается определяющая роль семьи и соблюдение прав родителей при развитии системы воспитания. При этом отрицается требование Комитета ООН заменить применяемый в России принцип обеспечения законных интересов ребенка на обеспечение «наилучших» интересов ребенка. По мнению России, эти требования нарушают установленный Семейным законодательством принцип невмешательства кого-либо в дела семьи, принцип добросовестности родителей и другие конституционные права граждан.

Наиболее отчетливо различия национальных систем защиты прав семьи и детства проявляется в отношении к ювенальной юстиции. Именно здесь сосредоточены самые болевые точки и одновременно эпицентр различий в оценке защиты семьи и ребенка в Европе и России.

Ювенальная юстиция характеризуется, как известно, персональной юрисдикцией (несовершеннолетние), преимущественно охранительным характером, социальной наполненностью и индивидуализацией судебного процесса. Такая система существует практически в каждой стране, в том числе и в России. Ее национальная специфика (модель) характеризуется конкретизацией указанных черт и их соотношением.

В России в рамках предложений по внедрению ювенальной юстиции в начале 21 века предлагалась модель, состоящая в усилении государственного вмешательства в частную сферу семейных отношений. Олицетворением этой модели явились внесенные на рассмотрение в Госдуму законопроекты «О социальном патронате» и «Об общественном контроле над положением детей-сирот».

В них предлагалась новая для российского общества и, по мнению их противников, не вытекающая из его традиций роль социальных служб, состоящая в системе мер ужесточения контроля над правами детей в семье, когда социальных работников решает, можно ли изъять ребенка из семьи, если эти права были нарушены. Именно эти положения вызвали активное отторжение, и негативные эмоции у значительной части населения страны. В результате ювенальная юстиция не имеет легального определения в России.

В свою очередь, в России как среди юристов, так и в обществе в целом практически нет противников ювенальных судов как центрального звена национальной модели защиты прав ребенка. В настоящее время ювенальные суды существуют в виде выделения специализированных судебных составов по делам несовершеннолетних существующих судов общей юрисдикции, а также в виде изменения содержания работы за счет внедрения ювенальных технологий.

Апробирование ювенальных технологий в сфере обращения с несовершеннолетними осуществлялось в регионах России в рамках реализации негосударственных фондов. В регионах складывались различные модели внедрения ювенальных технологий, характеризующиеся различными способами взаимодействия всех структур, специализирующихся на работе с совершеннолетними.

Между тем совершенно очевидно, что современная российская семья находится в процессе модернизации, ее формы усложняются. Устои традиционной семьи, несмотря на государственную поддержку, размываются, становятся все более значимыми неполные семьи, открытые семьи, фактические семьи, однополые семьи и др. Важно отметить, что **правовое регулирование, будучи неразрывно связанным с эволюцией семейных отношений** и соответствующими изменениями понятийного аппарата, вместе с тем **в значительной мере обусловлено существующими традициями и ценностными ориентирами в обществе**. Это проявляется в различных перспективах правового регулирования фактических семей и однополых семей. В контексте этих изменений должна осуществляться соответствующая нормативная адаптация изменившегося реального положения ребенка в семье.

Российская модель характеризуется развитой нормативно-правовой базой, включающей международный, федеральный, местный и ведомственный уровни, а также обширную совокупность ведомственных актов.

Российская модель характеризуется разветвленной институциональной структурой, включающей всероссийский, региональный, местный уровни. Центральное место признано занимает институт Уполномоченного по правам ребенка на федеральном и региональном уровнях, а также комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Так, в Санкт-Петербурге наряду с комитетом образования Правительства Санкт-Петербурга, действует аппарат уполномоченного по правам ребенка, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. В органах внутренних дел действуют инспекции по делам несовершеннолетних. В отделах социальной помощи населения функционируют Секторы защиты семьи и детства. Работают государственные образовательные учреждения для детей, нуждающихся в специальной помощи, центры психолого-медицинского сопровождения, центры помощи семье и детям. Это далеко не полный перечень надежных союзников детства.

Определяющей тенденцией является формирование единой общеевропейской системы, однако, вряд ли можно говорить об этом, как о свершившемся факте. На данный момент национальные европейские системы все-таки в определенной мере характеризуются такими чертами, которые обусловлены действием исторических, этнических, социальных, религиозных факторов.

Специфика российской модели также состоит в том, что в рамках единой страны на базе существования единой федеральной законодательной основы, все-таки мы можем констатировать существенные региональные различия.

Важное место в российской модели занимает судебная защита прав ребенка. Функционирование семьи как социально-правового института, влияние семейных ценностей, на развитие такого механизма государственного регулирования, как социально-правовая защита семьи и ребенка еще недостаточно изучено в российской науке. Несомненно тот дефицит такого научного знания в практических усилиях государств по созданию эффективного

механизма социально-правовой защиты детей в интернациональных семьях, несущие разные представления о семейных ценностях, нормах взаимоотношения между родителями и детьми и т.д. Это обуславливает несомненную научную актуальность и практическую значимость международного сравнительного анализа социально-правовой защиты семьи и ребенка в различных странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основные источники

- Конституции Российской Федерации. Российская газета – 1993. 25 декабря.
- Конвенции о правах ребенка 1989 г. Принята резолюцией № 44/25 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 20 ноября 1989 г. Ратифицирована Верховным Советом СССР 13 июля 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Союза советских социалистических республик. 1990. № 45, Art. 955.
- Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 46.
- Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка» от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31.
- Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. М., 1996.

Дополнительные источники

- Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // опубликовано в СоцИс. 2008. № 1. С. 44.
- Ермолинская Т. В. Исполнение решений судов России о взыскании алиментов в Финляндии // Исполнительное право. 2007. № 2. С. 11-12.
- Михеева Ю.И. Правовое регулирование патронатного воспитания детей // Российская юстиция. 2003. № 7. Научная библиотека диссертаций и авторефератов. [Электронный ресурс] Режим допуска: <http://www.dissercat.com/content/konstitutsionno-pravovaya-zashchita-semi-materinstva-ottsovstva-i-detstva-v-rossii#ixzz5YA5SSBor>
- Право и защита семьи государством. М., 1987.
3. Хамеляйнен Ю., Краав, Ингер & Бизаева, Анна 2002. Ценностные категории воспитания в Финляндии, России и Эстонии. Университет Куопио. Оказиональные доклады Е. Общественные науки 32. Куопио (на финском языке с эстонскими и российскими резюме).

ОЦЕНКА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ В ФИНЛЯНДИИ

ЮХА ХЯМЯЛЯЙНЕН, РИИТТА ВОРНАНЕН

ВВЕДЕНИЕ

Характер системы социальной защиты детей в Финляндии становится более понятным при рассмотрении социального устройства страны в целом. В целом, Финляндия является цивилизованным социальным государством, основанном на принципах верховенства права и придерживающимся таких политических ценностей, как демократия, равенство и социальная справедливость. Комплексная и всеобъемлющая система социального обеспечения является одной из важнейших целей финских политиков. Эти принципы являются идеологической средой для формирования принципов и практики системы социальной защиты детей в Финляндии. В этой статье описаны принципы и организация оценки в рамках системы социальной защиты детей Финляндии. Цель статьи заключается в том, чтобы пролить свет на данный вопрос в том, что касается законодательной базы и практического воплощения этой системы.

Характерные черты политики и системы социальной защиты детей в Финляндии

Действующая в Финляндии система социальной защиты детей является составной частью установленной законодательством национальной системы социальной защиты, которая соответствует принятой в странах Северной Европы идеологии социальной защиты в том, что касается широких социальных прав граждан и комплексной системы социальных льгот и служб, основанной на ответственности граждан перед обществом. Система социальной защиты детей состоит из трех взаимосвязанных элементов: 1) мер, направленных на повышение благосостояния детей и молодежи в целом; 2) базовых служб; 3) индивидуальных мер социальной защиты детей и семей (рис. 1). Эта статья посвящена оценке в рамках системы индивидуальных мер защиты детей и семей.

Рис. 1. Три основных направления социальной защиты детей в Финляндии

Цель системы социальной защиты детей заключается в реализации права ребенка на специальную защиту, которое, в свою очередь, связано с защитой частной семейной жизни (Aer, 2012, 8-16). Кроме того, система социальной защиты детей охватывает всю несовершеннолетнее население страны. Меры, направленные на повышение благосостояния детей и молодежи тесно связаны с национальной семейной политикой Финляндии (Hämäläinen, 2010). С точки зрения политической идеологии дети являются приоритетным направлением политики, целями которой являются поддержка детей и семей. Кроме того, из соображений позитивной дискриминации более социально уязвимые дети и дети, находящиеся в группе риска, имеют преимущественное право на поддержку.

В сравнении с другими странами финская система социальной защиты детей характеризуется как *ориентированная на обслуживание семей* и *ориентированная на развитие детей*, что отличает ее от более узкой *ориентации на защиту детей* (Gilbert, 2012; Nietamäki, 2015; Pösö, 2011). Более того, ориентация системы на выявление случаев плохого обращения с детьми называется *ориентацией на обслуживание детей и семей* в контексте сравнения, оценки и анализа, в отличие от *ориентации на безопасность детей*, которая предусматривает оповещение, жалобы и расследования (Gilbert et al., 2009). Ориентация на обслуживание детей и семей предполагает акцент на оценке не только рисков, но и потребностей детей. В то же время, такая ориентация не исключает потребности в выявлении рисков, связанных с безопасностью ребенка.

Ключевым отличием между национальными системами является подход, основанный на выявлении потребностей, что характерно для системы социальной защиты детей Финляндии. Ориентация системы на обслуживание семей и развитие детей означает обязательство предоставлять семьям определенные

услуги и поддержку. В Финляндии этот аспект отражен в критериях, используемых для передачи ребенка под опеку, в частности в учреждения, обеспечивающие уход за детьми вне дома. Ребенку и семье необходимо оказывать помощь, чтобы у ребенка была возможность оставаться дома с родителями.

Правовая база защиты детей

Согласно Конституции Финляндии (731/1999, статья 19) «...государственные органы обязаны оказывать поддержку семьям и другим лицам, обеспечивающим детей средствами к существованию, чтобы они имели возможность обеспечивать благополучие и личностное развитие детей». Эта поддержка оказывается путем воплощения в жизнь семейной и детской политики и оказания детям и семьям широкого спектра услуг в рамках норм социального государства Северной Европы. Важным конституционным принципом является право уважать и защищать частную семейную жизнь (статья 10; см. также статью 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Сочетание двух законов, Закона о социальной защите детей (417/2007) и Закона о социальной защите (1301/2014), помогло сместить акцент в сторону раннего вмешательства и оказания поддержки детям и семьям. Социальная защита детей является частью комплекса услуг для детей и семей. Услуги для детей и семей можно рассматривать как переходную ступень от базовых услуг к специализированным и наиболее сложным услугам в ситуациях, когда существует угроза для здоровья и благополучия ребенка, а семья нуждается в интенсивной поддержке. Индивидуальная поддержка детей и семей представляет собой крайнее средство, вмешательство силами государственного органа на основании Закона о социальной защите детей, и все действия в рамках этой поддержки должны осуществляться с соблюдением основополагающих принципов. При этом потребности могут быть различными, а точное число детей, нуждающихся в помощи служб социальной защиты, определить невозможно (Heino, 1999). Потребность в индивидуальных мерах защиты детей и семей оценивается службами социальной защиты и/или социальной защиты детей.

Порог вмешательства и начало процедуры в системе социальной защиты детей

Оценка детей и семей, нуждающихся в помощи, осуществляется в соответствии с Законом о социальной защите детей (417/2007) и Законом о социальной защите (1301/2015), которые служат правовой базой для процесса оценки. Новый Закон о социальной защите был принят с целью сместить акцент с индивидуальных услуг на профилактические меры поддержки. Клиент имеет право на услуги, которые гарантируют уход и обслуживание, а также поддержку здоровья и развития ребенка. Часть услуг системы социальной защиты детей была перенесена в Закон о социальной защите. Это было сделано с целью сократить время доступа к услугам, сократить процедуры с участием клиента и свести к минимуму потребность в социальной защите для детей (Rätty, 2015, 23).

Изменение в Законе о социальной защите детей заключались в том, что дети перестали быть зарегистрированными клиентами на момент начала процедуры

и в процессе оценки. На этапе оценки клиентом служб социальной поддержки является семья. Ребенок и семья становятся клиентами индивидуальных мер защиты детей и семей только в том случае, если оценка выявит потребность в услугах социальной защиты детей или если ребенку и семье в процессе оценки начнут оказываться услуги социальной защиты детей (STM, 2017, 105). Услуги социальной защиты детей могут потребоваться, если опасность угрожает здоровью и развитию ребенка и при этом семейные услуги не требуются или являются недостаточными, или если эти услуги были бы достаточными, однако ребенок и семья отказываются от них.

Дети и семьи получают доступ к системе социальной защиты детей разными способами. Они могут обратиться за консультацией самостоятельно, или кто-то другой может сообщить о них службе. Процесс может также начаться постепенно, когда семья или родители уже будут клиентами службы социальной защиты для взрослых. В 2017 году в Финляндии служба социальной защиты детей получила оповещения в отношении 76 116 детей. В среднем число оповещений составляло около 1,8 на каждого ребенка. Общее число оповещений составило 139 368, что на 15% больше, чем в предыдущем 2016 году (Служба социальной защиты детей, 2017).

Порог вмешательства в Финляндии постепенно повышается, шаг за шагом, в соответствии с условиями жизни ребенка и семьи. Пороговое условие оповещения службы социальной защиты и службы социальной защиты детей связано с потребностями ребенка: «Если в интересах ребенка необходимо...» (раздел 35 Закон о социальной защите) и необходимость в его социальной защите: «...если сотрудникам или доверенным лицам... станет известно о ребенке, в отношении которого необходимо провести проверку (оценку) потребности в...» (раздел 25 Закона о социальной защите детей). Следующий порог разделяет Закон о социальной защите и Закон о социальной защите детей. Закон о социальной защите регулирует предоставление помощи при наличии у ребенка особых потребностей (раздел 3). Согласно Закону о социальной защите детей ребенок приобретает статус клиента, если на основании оценки (предусмотренной Законом о социальной защите), социальный работник установит наличие угрозы для здоровья и развития ребенка или придет к выводу, что ребенок подвергает риску свое здоровье и развитие, и существует необходимость в мерах помощи и социальной поддержки ребенка.

Служба социальной защиты может также оказывать неотложную помощь на дому ребенку и семье (раздел 37b Закона о социальной защите детей). Это нововведение в финской системе социальной защиты детей; идея заключается в том, чтобы избежать перевода ребенка в учреждение для ухода вне дома и оказывать помощь ребенку дома в привычном окружении. Пороговые условия для передачи ребенка под опеку и помещения его в учреждение для ухода вне дома в Финляндии являются очень жесткими; данная мера является крайней. Однако если результаты тщательной предварительной проверки показывают, что в интересах ребенка следует передать его в опеку, для передачи ребенка в опеку не должно быть никаких препятствий. Если ребенку грозит непосредственная опасность, существует возможность срочно перевести его в соответствующее учреждение (раздел 40). Текущая политика социальной защиты детей направлена на то, чтобы избежать таких срочных переводов, поскольку это является существенным ограничением прав детей и родителей. Именно поэтому необходимо обеспечить доступ к мероприятиям неотложной

помощи на дому, а также другие варианты обеспечения защиты ребенка в его привычном окружении.

Оценка потребности в социальной защите

Процесс оценки является центральной частью социальной защиты детей, которая опирается на те же принципы, что и семейная политика и система социальной защиты детей. Потребность в индивидуальных мерах защиты детей и семей – включая уход на дому и уход вне дома – оценивается с учетом потребностей ребенка и исходя из его интересов. Закон описывает случаи, в которых меры помощи на дому являются неприемлемыми или невозможными для осуществления ухода за ребенком в его интересах или же оказались недостаточными и в интересах ребенка следует передать его в другое учреждение опеки (раздел 40 Закона о социальной защите детей 417/2007). Цели и ценности системы социальной защиты детей служат основой для оценки и всех прочих действий в рамках системы.

Нормы социальной защиты детей в Финляндии установлены Международной конвенцией о правах ребенка. Многие статьи Конвенции содержат указания и описание обязанностей при оценке социальной защиты ребенка; так, например, статья 19 касается защиты от насилия и небрежного отношения. В Законе о социальной защите детей Финляндии принцип учета интересов ребенка описан как ключевой элемент оценки:

«При оценке интересов ребенка, следует учитывать то, как альтернативные меры и решения способствуют обеспечению следующих условий для ребенка:

- 1) сбалансированного развития, благополучия и постоянного и тесного контакта с людьми;*
- 2) возможности ощутить понимание и привязанность, а также наблюдения и ухода, соответствующих возрасту и уровню развития ребенка;*
- 3) образования, соответствующего способностям и пожеланиям ребенка;*
- 4) безопасного окружения, в котором ребенок мог бы расти, пользуясь физической и эмоциональной свободой;*
- 5) чувства ответственности по мере взросления и обретения независимости;*
- 6) возможности участия в делах, касающихся ребенка и оказывающих на него влияние;*
- 7) потребности учитывать языковые, культурные и религиозные особенности воспитания ребенка» (раздел 4 Закона о социальной защите 417/2007, неофициальный перевод).*

Эти принципы являются основой для оценки потребности детей и семей в индивидуальной социальной защите, а также во всевозможных мерах и процедурах (Aer, 2012, 31). Цель органов социальной защиты заключается в том, чтобы обеспечить поддержку этих принципов и во всех действиях, направленных на поддержку семьи и улучшение благосостояния ребенка, руководствоваться интересами ребенка и гарантировать ему право на особую защиту. Важный принцип заключается в том, чтобы выбирать наиболее мягкие и в то же время достаточные меры, которых будут придерживаться органы социальной защиты при выборе способа вмешательства (см. Rätty, 2015, 3). Задача состоит в том, чтобы

свести к минимуму возможный вред, обеспечивая достаточную помощь в самых мягких формах и при необходимости переходя на более действенные меры (Leigh and Miller, 2004, 262). В Финляндии ключевую роль в оценке потребности в социальной защите детей играют социальные работники, которые отвечают за проведение оценки.

ОЦЕНКА – БАЗОВЫЙ ФАКТОР СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ В ФИНЛЯНДИИ

Оценка как обязанность социальных работников

В Финляндии социальные работники являются ключевыми должностными лицами в системе индивидуальной социальной защиты детей и семей. Вместе с другими компетентными специалистами они отвечают за осуществление законных прав детей и семей. Важно информировать ребенка и опекунов (родителей) о доступных услугах и о том, как и почему они применяются в сфере социальной защиты детей (Quality Standards in Child Welfare, 2014, 35). Социальные работники имеют необходимую подготовку для осуществления оценки на практике, и система основана на доверии к уровню их профессиональной компетентности. Однако встал вопрос: *«есть ли необходимость в анализе теоретической основы и базы знаний оценки потребностей ребенка?»* (Bardy, 1987).

Подготовка проекта Закона о социальной защите детей (417/2007) велась очень тщательно; в рамках этой подготовки был строго определен процесс оценки, установлены сроки и требования для работы с ребенком и его окружением. Внесенный правительством проект Закона о социальной защите детей (HE 252/2006) включает краткое описание международных практик разработки системы оценки социальной защиты ребенка. Проект содержит ссылки на принятые в Великобритании «Общие принципы оценки» и на шведскую модель «Barns Behov I Centrum» (BBIC). Также была учреждена национальная комиссия планирования оценки в рамках процесса социальной защиты детей (Oranen, 2005). Этот новый орган был использован для внедрения новых практик в систему социальной защиты детей. После вступления в силу Закона о социальной защите детей в системе социальной защиты детей прошел целый ряд процессов, направленных на переориентацию системы, в том числе подготовка социальных работников для проведения оценки.

Закон о социальной защите детей не содержит подробных пошаговых инструкций для социальных работников. В их распоряжении имеется база знаний и опыт, опирающийся на теоретические знания, практические навыки, знания психологии, ценности и способность трезво рассуждать (Munro, 2002). Финские социальные работники действуют по своему усмотрению, соблюдая требования законодательства, однако руководствуясь своими профессиональными знаниями. Процедура оценки в системе социальной защиты детей разработала в соответствии с рекомендациями, содержащимися в «Стандартах качества в системе социальной защиты детей» (Quality Standards in Child Welfare, 2014) и «Справочнике по защите детей» (Handbook for Child protection, представлен в Интернете только на финском языке).

Существуют рекомендации по выявлению случаев плохого обращения («Идентификация и вмешательство в жесткое обращение с детьми – Рекомендация по оказанию услуг в сфере здравоохранения и медицинского обслуживания») и рекомендации по расследованию случаев развратных действий в отношении детей (Evaluation of a Suspected Child Sexual Abuse – A clinical practice guideline), связанные с Законом о расследовании случаев жестокого обращения, физического и сексуального насилия в отношении детей (2008/1009). Важным моментом оценки является вопрос о том, есть ли основания оповещать полицию о физическом или сексуальном насилии, которое могло иметь место в отношении ребенка. При таком расследовании процессом руководит полиция, а специальная бригада медиков выполняет особые задачи. Система социальной защиты детей сотрудничает с этими органами в целях обеспечения здоровья и безопасности ребенка.

В процессе оценки социальные работники сотрудничают с другими специалистами для получения информации, необходимой для принятия окончательного решения. Служба социальной защиты детей имеет право прибегать к услугам группы разнопрофильных специалистов (§14 Закона о социальной защите детей 417/2007). Кроме того, служба социальной защиты детей имеет широкие полномочия для получения необходимых сведений от других специалистов и организаций. В процессе оценки чрезвычайно большое значение имеет сотрудничество с ребенком и родителями, и наилучшим вариантом является получение у них разрешения на такое сотрудничество. Ребенку назначается собственный социальный работник, который отвечает за взаимодействие с ребенком и семьей и координирует работу служб (§13b Закона о социальной защите детей 417/2007).

Оценка и система обязательного оповещения о нарушениях

В Финляндии введена система обязательного оповещения о нарушениях, установленная законодательством. Существует исследование, посвященное опыту оповещения соответствующих органов о случаях плохого обращения с детьми, в котором перечислены преимущества и приведены рекомендации по поводу разработки системы оповещения (McTavish et al., 2017). Преимуществом системы обязательного оповещения является то, что государственные органы демонстрируют, насколько серьезно они относятся к случаям плохого обращения с детьми. Система обязательного оповещения способствует повышению уровня защиты детей и профилактике детской смертности, информированию общественности о необходимости борьбы со случаями насилия в отношении детей и выработке процедур оповещения. К недостаткам системы можно отнести перегрузку служб защиты детей и возможность широкого толкования плохого обращения: виды небрежного отношения и насилия, степень опасности и ущерба здоровью и т.п. (Gilbert et al., 2009, 169.) Кроме того, система обязательного оповещения повышает слаженность работы службы социальной защиты детей, возможно как процесса сотрудничества разнопрофильных специалистов.

Важным моментом оценки является взаимодействие с ребенком и родителями. Исследования показывают, что оценка, ориентированная на хорошие отношения и сильные стороны участников, способствует получению нужного результата

и повышает уровень осведомленности о жизненных обстоятельствах ребенка, необходимости перемен, сильных сторонах родителей, а также способствует улучшению ситуации в семье (Hietamäki, 2015). Переговоры с родителями играют ключевую роль в работе социального работника. В Финляндии только один из пяти детей, помещаемых в специализированные учреждения, попадает туда против воли родителей; как правило, социальным работникам удается убедить родителей, что эта мера в интересах их ребенка.

В литературе описано множество видов оценок: первоначальная оценка, которая проводится в начале процесса, и базовая оценка, которая является более комплексной (Framework for assessment, 2000). Термин «оценка» может относиться ко всему процессу оценки в целом или преимущественно к оценке рисков (Munro, 2002), оценке небрежного отношения (Horwarth, 2007) или к какому-либо другому аспекту. Оценка рисков может дать прогноз того, что может случиться с ребенком (Munro, 2002, 63). Существует много разных видов оценки. Оценка может напоминать диагноз, прогноз или комплексную оценку социального положения (Holland, 2004), что характерно для системы социальной защиты детей в Финляндии.

Оценка ребенка в рамках системы социальной защиты детей преследует две основные цели (Horwarth, 2007), во-первых, получение четкого представления о том, какая информация о ребенке нужна в данном случае, а во-вторых, получение информации, необходимой для ребенка и принятия решения. Рабочий процесс и принятые решения должны способствовать улучшению жизненной ситуации и благосостояния ребенка. В Финляндии используется следующее определение оценки: *«Понимания того, что происходит с социально уязвимым ребенком в контексте его семьи и местной общины, невозможно добиться за один раз. Этот процесс обязательно должен представлять собой сбор информации из различных источников, прояснение собранных сведений вместе с семьей и, зачастую, с несколькими специалистами, занимающимися социальной защитой данного ребенка.»* (Framework for the Assessment of Children in Need and their Families, 2000).

Некоторые принципы и описание целей оценки в Финляндии

Оценка осуществляется в соответствии с требованиями законодательства; при этом особое внимание уделяется оценке в начале процедуры с участием клиента, а установленные сроки требуют, чтобы решение по результатам оценки было принято в течение 7 дней, а сам процесс оценки длился не более трех месяцев (Закон о социальной защите и Закон о социальной защите детей). Наиболее срочная, начальная оценка должна быть выполнена немедленно, если есть основания полагать, что ребенку угрожает опасность. В Финляндии служба социальной защиты детей принимает направления и обязана организовать круглосуточное оказание услуг социальной защиты детям в экстренных случаях. При оказании этих обязательных услуг чрезвычайно важны навыки и опыт проведения первоначальной оценки.

Оценка не является самоцелью, и на ней процесс не заканчивается. Это означает, что должна быть причина и аргументы в пользу ее проведения, а ребенку и семье должна быть предоставлена помощь. Оценка, проводимая социальным работником, представляет собой социальную работу с ребенком и семьей; в

процессе оценки социальный работник оказывает поддержку и пытается найти решение, придерживаясь принципа как можно более мягких мер.

Оценка в Финляндии проводится путем сотрудничества с ребенком и семьей. Такой подход подразумевает укрепление доверия и обмен информацией. Ребенок и его родители должны знать, какой процесс оценки будет использован и зачем он нужен. У них есть право высказать свои пожелания и ожидания. Если имеются законные основания полагать, что здоровью и развитию ребенка угрожает опасность, служба социальной защиты детей имеет право устроить встречу с ребенком без родительского согласия (§29,3 Закона о социальной защите детей 417/2007).

В предложенном правительством проекте Закона о социальной защите детей (HE 252/2006) приведено следующее описание цели и содержания оценки (неофициальный перевод):

«Цель оценки заключается в том, чтобы оценить жизненную ситуацию ребенка и его потребности по отношению к опекунам (или родителям), условия роста и возможности окружения для удовлетворения потребностей ребенка. Особое внимание при оценке уделяется способности опекунов позаботиться о безопасности и базовых потребностях ребенка, вопросам опеки, ухода и воспитания, с учетом уровня развития и потребностей ребенка. Суть оценки заключается в оценке повседневной жизни ребенка и несущих ответственность за него опекунов при оценке условий, рисков и факторов защиты».

В формулировке этого основополагающего принципа Закона о социальной защите детей упомянуты оба аспекта оценки: определение рисков и проблем, а также сильных сторон и факторов защиты. Также существует концепция наличия у конкретного ребенка особых потребностей, которые необходимо принять во внимание. В семье может быть несколько детей, и у каждого ребенка могут быть свои обстоятельства и потребности, которые необходимо оценить. Например, при наличии у ребенка физических недостатков или иных ограничений, их необходимо учитывать при оценке (Закон о социальной защите: ребенок с особыми потребностями; Закон о социальной защите детей: ...). Оценка требует непосредственной работы с ребенком (Закон о социальной защите детей: ...; Aeg, 2012, 67). Социальная работа в рамках социальной защиты детей должна быть ориентирована на ребенка, при работе необходимо руководствоваться интересами ребенка, в частности выделить достаточно времени на встречу с ним.

Оценка является частью социальной защиты ребенка не только в начале процесса; она остается важной частью работы на протяжении всего процесса. Оценка на начальном этапе чрезвычайно важна и влияет на дальнейший ход процесса с участием ребенка и семьи. Оценка также является частью процесса принятия решений в области социальной защиты детей и принятия решений с связи с анализом информации; при этом акцент делается на фактах и аргументах для принятия решений (Sinko 2004, 87; 130; Munro 2002; 2009).

В процессе оценки необходимо определить социальное окружение и наиболее важные для ребенка и его семьи отношения (§32 Закона о социальной защите детей 417/2007). Задача заключается в том, чтобы установить обстоятельства повседневной жизни ребенка и ее экологический контекст, а также риски и факторы защиты. Могут существовать факторы, обеспечивающие поддержку ребенка и его родителей, например наличие бабушек или других родственников.

Окружение имеет важное значение на начальном этапе процесса, когда возможно обеспечить поддержку в естественном окружении. Он также чрезвычайно важна, когда необходимо решить, может ли ребенок жить со своими родителями (решение об опеке, в том числе со стороны родственников и т.п.). Решения, обеспечивающие поддержку, можно найти в окружении ребенка и среди взрослых, которые играют важную роль в его жизни. Реформа Закона об опеке над несовершеннолетними и праве доступа (361/1983) содержит также предложения о повышении статуса людей, играющих важную роль в жизни ребенка (HE 88/2018 vp); эти предложения призваны поддержать право ребенка на длительные отношения, служащие источником поддержки (Конвенция о правах ребенка).

Оценка осуществляется в системе социальной защиты детей в рамках равноправного сотрудничества, с консультациями и правом получения информации от других должностных лиц. Сделан сильный акцент на том, что ребенок имеет право на помощь ответственного социального работника (Закон о социальной защите, Закон о социальной защите детей). Социальный работник имеет широкий круг обязанностей и осуществляет координацию предоставления необходимых услуг и поддержки. Для успешного осуществления оценки необходимы грамотное управление и эффективная организация услуг, прозрачные и надежные системы документации и процессы принятия решений.

Если коротко, оценка относится к повседневной жизни ребенка, его привычному окружению, отношениям в семье и отношениям с родителями, детскому саду, школе, друзьям и иному окружению, хобби, употреблению психоактивных веществ, собственным желаниям и чувствам ребенка. Кроме того, она касается способности родителей заботиться о своем ребенке, отношения родителей к своим родительским обязанностям, ухода за ребенком, сотрудничества в вопросах, связанных с ребенком, установления границ, того, как родители заботятся от себя самих, понятия окружения, обеспечивающего поддержку семьи и других возможных видов окружения. При этом принимаются во внимание возможные особые проблемы и поводы для беспокойства, например насилие, употребление родителями психоактивных веществ, телесные наказания, физическое или сексуальное насилие в отношении ребенка.

Эти проблемы могут возникать в процессе оценки или могут быть уже зафиксированы на этапе направления или оповещения. Процесс оценки физического или сексуального насилия в отношении детей более подробно описан в соответствующих инструкциях (упомянутых выше в этой статье). В Финляндии закон, запрещающий применять телесные наказания в отношении детей, действует с 1983 г. (в Норвегии с 1972 г., в Швеции с 1979 г., а в Дании – с 1985 г.; см. Eydal & Satka, 2006). Проблемы плохого обращения с детьми включают насилие и небрежное отношение к детям, причем указанные проблемы могут возникать параллельно. Например, небрежное отношение может представлять собой пренебрежение медицинской помощью, питанием, проявление безразличия, небрежное отношение к обучению и другим физическим проблемам, отсутствие помощи и надзора (Horwath, 2007). В системе социальной защиты детей социальные работники сталкиваются с различными видами небрежного отношения; в таких случаях необходимо обеспечить контакт с родителями, оказать помощь и поддержку. В наиболее серьезных случаях необходимо известить полицию о случаях небрежного отношения или плохого обращения.

По словам авторитетной британской ученой Эйлин Манро (Eileen Munro, 2002, 63), «Таким образом, тема оценки рисков является сферой непримиримого противостояния аналитического и интуитивного подходов... По всей видимости, в этой области формальные методы просто необходимы, чтобы уравновесить недостатки человеческого ума». Помимо формальных методов необходимы исследования для получения информации о проблемах и рисках, которые могут представлять угрозу для здоровья и развития ребенка, о динамике жизни семьи, факторах защиты и стойкости детей и семей, а также о результатах вмешательств.

База знаний, используемая для оценки, содержит данные международных исследований (например, британского исследования «Общие принципы оценки», шведского ВВІС и т.д.) и данные национальных исследований и руководств (в Финляндии: Möller, 2004; 2005; Muukkonen & Tulensalo, 2004). Разработка в системе социальной защиты детей универсальной модели в рамках государственной программы реформы полиции Финляндии «Lare» позволит создать многопрофильную схему для оценки. Идея универсальной модели заключается в том, чтобы действовать рабочими группами, в состав которых включен психолог или другой специалист. Социальные работники играют в группе центральную роль; в их обязанности входит выполнение социальных работ по оценке и руководство процессом.

Оценка как процесс принятия решения

Цели оценки: получить информацию о ребенке и его впечатлениях, повседневной жизни, проблемах, рисках и факторах защиты; предоставить родителям информацию о ребенке и возможность выяснить потребности ребенка, определить свои сильные стороны и ресурсы, оценить потребность в социальной поддержке и услугах социальной защиты детей, а также других возможных услугах и поддержке.

Этапы процесса (согласно модели «Pesäpui»): Начало процедуры, первая встреча, процесс оценки, включающий использование специальных методов, встречи и выводы, заключительная встреча. В начале процесса и при первой встрече социальные работники ставят своей целью познакомиться с клиентами, предоставить информацию о службах социальной защиты и социальной защиты детей, обсудить причину начала процедуры оценки (или соответствующее направление), провести предварительную оценку и обсуждение дальнейших действий. Важно составить план работы с семьей, в котором должны быть указаны цель, сроки, проблемы и предмет оценки, методы и процедуры, полезная информация и разрешение родителей на ее получение, обсудить порядок участия ребенка в мероприятиях плана и последствия несоблюдения плана родителями.

Темы встреч с детьми и семьей связаны с домом, людьми, которые играют важную роль в жизни ребенка, повседневной жизнью, потребностями ребенка и проблемами родителей, а также бытовыми условиями, которые были обнаружены в ходе домашнего визита. План работы и число встреч зависят от конкретной проблемы. Если работа проводится в рамках Закона о социальной защите процесс не обязательно должен быть настолько же комплексным и всеобъемлющим, как оценка социальной защиты ребенка. Процесс документируется, и семья имеет право принять участие в составлении документации и ознакомиться с

документами. Важной частью процесса является встреча с ребенком, передача ему необходимой информации и выслушивание его рассказа о своих впечатлениях. Организация повседневной жизни имеет значение, например, для анализа режима дня, достаточности сна, питания, посещения школы и т.п. Существует много разных способов работы с ребенком и родителями.

По окончании процесса родителям или родителям и ребенку, которому исполнилось 12 лет, предоставляется итоговый отчет. *Итоговый отчет содержит следующие сведения:* лицо, которого касается отчет; время начала процедуры; лицо, проводившее оценку; порядок проведения оценки; мнения участников, сильные стороны, потребности и проблемы, если таковые выявлены; мнение социального работника относительно необходимости в мерах социальной защиты для ребенка; решение и аргументы касательно продолжения оказания поддержки; какая именно поддержка требуется. В некоторых ситуациях может возникнуть необходимость в помощи, предусмотренной Законом о социальной защите; в таких случаях в мерах социальной защиты детей нет необходимости. Или возможна ситуация, когда соответствующему лицу не нужно становиться клиентом службы социальной защиты, и социальный работник может порекомендовать другие службы или сообщить, куда следует обращаться за помощью, с вопросами или проблемами в будущем.

Необходимо дать родителям возможность выразить свои чувства и высказать свое мнение и обсудить вместе с ними процесс и итоговый отчет. В некоторых случаях, при наличии угрозы для здоровья или развития ребенка, в процессе оценки может возникнуть необходимость принять решение об оказании ребенку помощи на дому. В таких случаях ребенок регистрируется как клиент службы социальной защиты детей.

Оценка должна продолжаться на протяжении всего периода вмешательства службы, а вмешательство может начаться с началом оценки. Как правило, процесс состоит из следующих элементов:

- мнение родителей о потребностях ребенка и необходимых услугах;
- точный характер этих потребностей;
- их причины;
- приоритетность мер и/или ресурсов;
- потенциал для изменений в жизни ребенка и семьи;
- оптимальные варианты, к которым следует стремиться;
- реакция ребенка и семьи на вмешательство;
- как обстоят дела у ребенка.

ВКачество оценки в системе социальной защиты детей

Качество оценки является ключевым элементом для обеспечения надлежащей защиты ребенка. Перечисленные ниже факторы следует принимать во внимание как критерии качества:

- система услуг, организация и принципы оказания услуг;
- профессиональный уровень (квалификация);
- внутреннее управление с учетом требований законодательства;
- привлечение к работе специалистов разного профиля;

- этический кодекс социального работника;
- рекомендации по качеству;
- система контроля, включая упреждающий контроль;
- запросы (например, в чем заключалась проблема в тех случаях, когда ребенок или семья не получили помощи).

Оценка не бывает безупречной, поскольку существует множество разных ситуаций, сложные проблемы и возможны ошибки, связанные с человеческим фактором, и неправильным истолкованием данных. Система обучения социальных работников и стажировки в службе социальной защиты детей в Финляндии построена с учетом этого и предусматривает оценку работы с детьми и семьями, разработку систем обратной связи и использование этичных и деликатных методов работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Финляндии оценка социальной защиты ребенка представляет собой в первую очередь профессиональную, а не судебную процедуру. Это относится ко всей системе социальной защиты детей. На всех уровнях административной системы управление и надзор за данной сферой осуществляется государственными управлениями по социальным вопросам.

Как общественно-политическая и юридическая система, защита детей является подразделом социальных прав граждан, в частности детей, на социальную защиту. Общество имеет законное право и обязанность защищать детей, действуя в их интересах, что является не подлежащей сомнению общественно-политической нормой, которую общество обязано соблюдать во всех видах политической и профессиональной деятельности. Соответственно, правительство обязано обеспечить надлежащую правовую базу, профессиональное образование и организацию управления для выполнения этой обязанности.

Оценка требует применения разносторонних профессиональных навыков для получения актуальной информации проблемах ребенка и его семьи, которые зачастую являются достаточно сложными. Для этого необходимо использовать специальные методы исследований и научный анализ. Профессиональная квалификация для выполнения социальной работы предполагает наличие степени магистра общественных наук.

Важно подчеркнуть уважение к частной семейной жизни (статья 8 Европейской конвенции о правах человека). Целью семейной политики в Финляндии является оказание семьям поддержки в воспитании детей. Принцип поддержки семей и родителей важен для всех служб, в том числе и для службы социальной защиты детей. Он предполагает сотрудничество с родителями и умение прислушаться к ним и к их детям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Aer, Janne 2012. Lastensuojelu-oikeus. Helsinki: Sanoma Pro.
- Child Welfare Act 417/2007. Lastensuojelulaki 417/2007. (неофициальный перевод)
- Child welfare 2017. Statistics report. 17/2018. http://www.julkari.fi/bitstream/handle/10024/136409/Tr17_18_LASU.pdf?sequence=5&isAllowed=y
- Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим, 4.11.1950 г. (с изменениями, внесенными протоколами).
- Evaluation of a suspected child sexual abuse. Реферат на английском языке. (Руководство на финском языке). <http://www.kaypahoito.fi/web/english/guidelineabstracts/guideline?id=ccs00100>
- Eydal, Gudny Björk & Satka, Mirja 2006. Social work and Nordic welfare policies for children - present challenges in the light of the past. *European Journal of Social Work* 9 (3), 305-322.
- Framework for assessment, <http://www.archive.official-documents.co.uk/document/doh/facn/fw-00.htm>
- Gilbert, Neil 2012. A comparative study of child welfare systems: Abstract orientations and concrete results. *Children and Youth Services Review* 34, 532-536.
- Gilbert, Ruth, Kemp, Alison, Thoburn, June, Sidebotham, Peter, Radford, Lorraine, Glaser, Danya & MacMillan, Harriet L. 2009. Recognising and responding to child maltreatment. *Lancet* 373, 167-180. HE 88/2008 vp. <https://oikeusministerio.fi/hanke?id=afb68d97-f273-4760-a132-3a5ab8cf065e>
- Heino, Tarja 1999. Lastensuojelun trendit. In: Päivi Virtanen (toim.) Verkostoituva asiakastyö. Tampere, 9-32.
- Hietamäki, Johanna 2015. Lastensuojelun alkuarvioinnin vaikutukset vanhempien näkökulmasta. Jyväskylä: University of Jyväskylä. Dissertation. (The outcomes of the assessment in child welfare from the parents' perspective)
- Horwath, J. (2007) Child Neglect. Identification and Assessment. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan.
- Hämäläinen, Juha 2010. Perhepolitiikka. In: Pauli Niemelä (toim.) Hyvinvointipolitiikka. Helsinki: WSOYpro, 227-246.
- Идентификация и вмешательство в жесткое обращение с детьми - Рекомендация по оказанию услуг в сфере здравоохранения и медицинского обслуживания. <http://www.hotus.fi/hotus-fi/lasten-kaltoinkohtelun-tunnistaminen-ja-siihen-puuttuminen-hoitotyön-suositus> (Lasten kaltoinkohtelun tunnistaminen ja siihen puuttuminen. Hoitotyön suositus. Текст также доступен на русском языке)
- Laki lapsen kohdistuneen seksuaali- ja pahoinpitelyrikoksen selvittämisen järjestämisestä 19.12.2008/1009. [The Law for Investigation of Child Maltreatment and Physical and Sexual Abuse 2008].
- Laki sosiaalihuollon ammattihenkilöistä 817/2015.
- Lapsen seksuaalisen hyväksikäytön epäilyn tutkiminen. Käypä hoito -suositus. Suomalaisen Lääkäriseuran Duodecimin ja Suomen Lastenpsykiatriyhdistyksen asettama työryhmä. Helsinki: Suomalainen Lääkäriseura Duodecim, 2013 (viitattu 1.10.2018). Saatavilla internetissä: www.kaypahoito.fi
- Leigh, Sarah & Miller, Chris 2004. Is the Third Way the Best Way? Social Work Intervention with Children and Families. *Journal of Social Work* 4 (3), 245-267.
- McTavish, Jill R, Kimber, Melissa, Devries, Karen, Colombini, Manuela, MacGregor, Jennifer C D, Wathen, Nadine C, Agarwal, Arnav & MacMillan, Harriet L. 2017. Mandated reporters' experiences with reporting child maltreatment: a metasynthesis of qualitative studies. *BMJ Open* 2017:7.
- Mikkola, Matti & Helminen, Jarkko 1994. Lastensuojelu. Helsinki: Karelactio.
- Munro, Eileen 2002. Effective child protection. London: Sage.
- Muukkonen, Tiina & Tulensalo, Hanna 2004. Kohtaavaa lastensuojelua. Lapsikeskeisen lastensuojelun sosiaalityön tilannearvion käsikirja. Helsingin kaupungin sosiaalivirasto. Selvityksiä 1. Helsinki.
- Möller, Sointu 2005. Arviosta sanoisin. Tutkimus lastensuojelun asiakkuuden alkuvaiheeseen liittyvän arvioinnin mallintamisesta. Lapsi- ja nuorisososiaalityön erikoisala. Jyväskylän yliopisto. Julkaisutiedot: Pesäpuu ry, Tutkimuksia 1. Jyväskylä.
- Oranen, Mikko (14.10.2005) Lastensuojelutarpeen selvitys. Alkuarviointi ja avohuoltotyöryhmän väliraportti.
- Pösö, Tarja 2011. Combatting Child Abuse in Finland: From Family to Child-Centered Orientation. In Gilbert, Neil, Parton, Nigel & Skivenes, Marit (eds.) Child Protection Systems. International Trends and Orientations. New York: Oxford University Press, 112-130.
- Räty, Tapio 2015. Lastensuojelulaki ja sen soveltaminen. Helsinki: Edita.

- Sinko, Päivi 2004. Laki ja lastensuojelu. Juridisoituvat käytännöt sosiaalityön arjessa ja asiantuntijuuden määrittelyssä. Helsinki: Palmenia.
- Social Welfare Act 1301/2014. Sosiaalihuoltolaki 1301/2014.
- STM 2017. Sosiaalihuoltolain soveltamisopas. [Guide for the application of the Social Welfare Act]. Helsinki: Ministry of Social Affairs and Health. http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/80391/05_17_Sosiaalihuoltolain%20soveltamisopas.pdf
- The Constitution of Finland. 11 June 1999. (731/1999, amendments up to 1112 / 2011 included), Ministry of Justice. Неофициальный перевод. Suomen perustuslaki. https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1999/en19990731_20111112.pdf
- Quality Standards in Child Welfare (2014). Lastensuojelun laatusuositus. STM:n julkaisu 4. http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/70275/URN_ISBN_978-952-00-3488-7.pdf?sequence=1&isAllowed=y (на финском языке)

ЗАСЛУШИВАНИЕ ДЕТЕЙ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДЕ ПО ДЕЛАМ О СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ ДЕТЕЙ

САННА ТОХКА

В основе этой небольшой статьи лежит доклад, представленный на международном круглом столе «Организационно-правовые и социальные механизмы защиты прав ребенка в России и Финляндии», который состоялся в Санкт-Петербурге в октябре 2018 г. Это мероприятие было организовано в рамках соглашения о сотрудничестве между Университетом Восточной Финляндии и Российским государственным университетом правосудия. Я выполняю обязанности судьи административного суда Восточной Финляндии и была приглашена в делегацию факультета общественных наук Университета Восточной Финляндии.

Целью доклада, представленного на международном круглом столе, было краткое ознакомление с правами детей с практической точки зрения. Содержащиеся в докладе идеи отражают мои личные взгляды на надлежащую организацию судебного процесса, оказание юридической помощи детям и процедуру заслушивания детей. В последнее время в Финляндии много внимания уделяется проблеме заслушивания показаний детей и выяснения их мнений – с точки зрения научных исследований и общего судебного контроля.

Используемые административным судом механизмы защиты прав детей зависят от конкретного случая. Основной функцией административного суда является контроль законности решений административных органов. Согласно разделу 1 главы 4 Закона о судах (№ 673/2016), административный суд рассматривает и принимает решения по апелляциям по административным делам, административным судебным процессам и другим делам, относящимся к его юрисдикции согласно Закону об административном судопроизводстве (№ 586/1996) или другим положениям законодательства. В обязанности административного суда входит проверка законности решений, принятых теми или иными органами. В сфере защиты прав детей, помимо вышеуказанной основной функции, административный суд, действуя на основании заявления органов социальной защиты детей, принимает решение о том, следует ли взять ребенка под опеку или передать в другое учреждение опеки, если против этого возражает опекун ребенка или сам ребенок старше 12 лет (раздел 43 Закона о социальной защите детей № 417/2007). В таких случаях административный суд является судом первой инстанции.

Судопроизводство в административном суде опирается на положения Закона о социальной защите детей и Закона об административном судопроизводстве. Согласно разделу 88 Закона о социальной защите детей, вопросы социальной защиты детей в отношении конкретного ребенка и конкретной семьи должны решаться в срочном порядке. Административные суды постоянно контролируют сроки рассмотрения дел. Кроме того, суды прилагают усилия к тому, чтобы как можно больше усовершенствовать судопроизводство и тем самым сохранять приемлемые сроки рассмотрения дел. Вопрос о том, следует ли передать ребенка

органам опеки, всегда является очень болезненным и важным как для самого ребенка, так и для взрослых, которые тесно с ним общаются, поэтому крайне важно подойти к рассмотрению дела с должным вниманием и без задержек.

Беспристрастное судебное разбирательство требует заслушать все стороны дела; по требованию сторон проводится устное слушание (разделы 37 и 38 Закона об административном судопроизводстве). Как только одна из сторон потребует устного слушания, суд начинает подготовку к слушанию. Суд выносит решение в письменной форме, опираясь на письменные и устные заявления сторон в случае проведения устного слушания. Устное слушание является одним из способов уточнения обстоятельств дела; при этом всегда принимаются во внимание все письменные материалы дела.

Согласно Закону о социальной защите детей, в делах о социальной защите детей с участием детей, которым исполнилось 12 лет, ребенок является одной из сторон разбирательства (раздел 12 Закона о социальной защите детей). Если суд предоставляет ребенку возможность обосновать свою позицию по делу, связи с ребенком уделяется особое внимание. Как правило, если ребенок живет дома, письма административного суда отправляются непосредственно на имя этого ребенка. Если ребенок живет не в своем доме, письма направляются сотруднику службы социальной защиты, который занимается делами этого ребенка и в силу своей должности обязан оказывать ребенку помощь в ознакомлении с материалами суда (раздел 24 Закона о социальной защите детей).

Административный суд также защищает право ребенка на юридическую помощь. Согласно Закону о социальной защите детей, социальные работники, ответственные за дела ребенка, обязаны контролировать соблюдение интересов ребенка и, в силу своей должности, оказывать несовершеннолетним лицам помощь в осуществлении их права быть выслушанными, а также при необходимости помогать несовершеннолетнему лицу получить юридическую помощь или контролировать подачу заявления на опеку над ребенком (раздел 24 Закона о социальной защите детей). Однако административный суд может назначить ребенку юрисконсульта для рассмотрения дела в суде по требованию самого ребенка или его законного представителя, а также если суд сочтет такое назначение необходимым. Если административный суд назначает юрисконсульта, несмотря на то, что ребенок или его законный представитель уведомили суд о том, что ребенок не нуждается в юрисконсульте, указанная юридическая помощь оказывается бесплатно (раздел 87 Закона о социальной защите детей).

При предоставлении ребенку социальной защиты необходимо выяснить его мнение и пожелания и принять их во внимание с учетом возраста и уровня развития этого ребенка (раздел 20 Закона о социальной защите детей). Это обязательство относится к детям всех возрастов, в том числе детям, которым не исполнилось 12 лет. При необходимости помимо органов опеки, административный суд может назначить ребенку опекуна, если действующий опекун не в состоянии беспристрастно отстаивать интересы ребенка по данному делу (раздел 22 Закона о социальной защите детей, раздел 19а Закона об административном судопроизводстве).

Согласно разделу 86 Закона о социальной защите детей, административный суд может заслушать показания ребенка лично, если ребенок этого требует или согласен на это. Предоставление детям в связи со слушанием информации, которая может подвергнуть серьезной опасности их здоровье или развитие, запрещено.

Суд может заслушать показания ребенка, которому не исполнилось 12 лет, лично только в том случае, если такое слушание необходимо для разрешения дела и, по всей видимости, не причинит этому ребенку значительного вреда. Заслушивание показаний ребенка может осуществляться таким образом, чтобы на слушании присутствовали только один или несколько членов суда и сам ребенок – если такая процедура необходима, чтобы защитить ребенка или исключить влияние на него других лиц. Заинтересованные стороны и орган, подающий ходатайство или принимающий решение, обязаны обеспечить возможность ознакомиться с материалами дела, касающимися предмета слушания, и высказать мнение о содержании этих материалов. Право заинтересованных сторон на получение информации может быть ограничено, если эта информация содержится в тайне с целью защиты ребенка или других особо важных его интересов.

Одной из ключевых обязанностей административного суда является уточнение обстоятельств дела в целях защиты интересов ребенка. Заслушивание ребенка является частью этих обязанностей. Моя точка зрения как судьи административного суда заключается в том, что действующее законодательство последовательно отстаивает принцип, согласно которому для принятия решения по делу о социальной защите ребенка в интересах ребенка необходимо выслушать и принять во внимание мнение самого ребенка. При этом мне следует постоянно анализировать собственную работу с тем, чтобы заслушивание ребенка стало частью любого процесса с принятием решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Administrative Judicial Procedure Act 586/1996. https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1996/en19960586_20150891.pdf Retrieved 26 March 2019.

Child Welfare Act 417/2007.

Courts Act 673/2016. Available at <https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/2016/en20160673.pdf> Retrieved 26 March 2019.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДСУДИМЫХ

ЯРОСЛАВ Б. ЖОЛОБОВ

Российская правовая парадигма определяет суду серьезное место в системе защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, представляющей собой совокупность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, должностных лиц, неправительственных некоммерческих организаций, осуществляющих на основе установленных законом процедур действия, нацеленные на реализацию и обеспечение прав, свобод и законных интересов ребенка (несовершеннолетнего), приоритетом деятельности которых является применение восстановительных и реабилитационных мер и процедур в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

При этом суд является не единственным элементом ювенальной юстиции, не выполняет завершающую роль данной системы. Однако именно в процессе судопроизводства в отношении несовершеннолетних правонарушителей выявляются ключевые проблемы социальной и молодежной политики государства.

Как правило, объектом пристального внимания системы ювенальной юстиции в России являются несовершеннолетние, находящиеся в социально опасном положении, которые вследствие безнадзорности или беспризорности находятся в обстановке, представляющей опасность для их жизни или здоровья либо не отвечающей установленным требованиям к их воспитанию и содержанию, а также несовершеннолетние, совершающие правонарушения или антиобщественные действия.

Защита прав несовершеннолетних при отправлении правосудия по уголовным делам предусмотрена, в первую очередь, международными правовыми актами.

Так, в ч. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка предусмотрено, что во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Согласно Минимальным стандартным правилам Организации Объединенных Наций, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинским правилам), система правосудия в отношении несовершеннолетних направлена в первую очередь на обеспечение благополучия несовершеннолетнего и обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения (п. 5.1); Во всех случаях, за исключением мелких правонарушений, до вынесения компетентным органом власти окончательного решения, предшествующего

приговору, необходимо тщательно изучить окружение и условия, в которых живет несовершеннолетний, или обстоятельства, при которых было совершено правонарушение, с тем чтобы содействовать вынесению компетентным органом власти разумного судебного решения по делу (п. 16.1). Кроме того, в отношении несовершеннолетних процесс должен быть таков, чтобы учитывались их возраст и желательность содействия их перевоспитанию (ч. 4 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Вместе с тем в положениях постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» указывается на воспитательный характер применяемых в отношении несовершеннолетних правонарушителей мер, уделяется особое внимание профилактическому воздействию и необходимости выяснения причин и условий, способствовавших совершению преступлений несовершеннолетними в каждом конкретном случае.

Обычная практика сбора характеризующих данных на несовершеннолетнего в ходе досудебного производства заключалась в сборе справочной информации (сведений по спецучетам) и представлении одной характеристики по месту учебы и жительства.

Вместе с тем документы об условиях жизни и воспитания несовершеннолетнего должны содержать информацию об обстановке, где происходило становление личности несовершеннолетнего (наличие в семье, школе и ближайшем окружении условий для нравственного формирования личности, включая материально-бытовые), выполнение родителями обязанностей по воспитанию, связи и знакомства несовершеннолетнего, его времяпрепровождение, взаимоотношения со старшими и сверстниками, отношение к учебе, работе, участию в жизни коллектива, причины незанятости, сведения о склонности к употреблению наркотических средств, спиртных напитков, о бытовом окружении, связях, круге интересов, поведении в доме и быту, отношении родителей, законных представителей к воспитанию и влиянию их на поведение несовершеннолетнего.

В действительности при рассмотрении уголовных дел в судах невозможно детально и в полном объеме изучить окружение, условия жизнедеятельности несовершеннолетних, а также все обстоятельства, при которых было совершено преступление. Во-первых, это касается «скудности» представленной информации органами предварительного расследования: анкетные данные несовершеннолетнего и характеризующие документы с места жительства и места учебы содержат минимум информации. Во-вторых, процессуальное отсутствие полной информации о несовершеннолетнем не является основанием для возвращения дела прокурору в соответствии со ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Представляется, что полноценные сведения о несовершеннолетнем правонарушителе органам предварительного расследования и суду может представить имеющаяся в государстве система социальных служб, сформированных на основе принципов реабилитационного характера.

Однако в большинстве случаев суд является инициатором сбора необходимых сведений, но, ввиду ограничений процессуальных полномочий и сроков рассмотрения уголовного дела, поступившие данные не носят цельного и системного характера, обрывочны и не дают полных ответов о

наиболее адекватных и возможных мерах воспитательного воздействия на подсудимого. Соответственно, затруднено решение вопросов об освобождении несовершеннолетних подсудимых от уголовной ответственности и наказания, а также определении конкретного вида наказания и его продолжительности.

К принудительным мерам воспитательного воздействия, согласно ч. 2 ст. 90 Уголовного кодекса Российской Федерации, отнесены:

- предупреждение;
- передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа;
- возложение обязанности загладить причиненный вред;
- ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Первые два вида мер, к сожалению, фактически восстановительную функцию правосудия не выполняют. Заглаживание вреда также опосредованно, поскольку осуществляется родителями или законными представителями несовершеннолетних, в связи с отсутствием собственных доходов у последних, а ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетних не имеет правовых форм контроля исполнения, что не способствует оказанию существенного воспитательного воздействия.

Закрепленные в ст. 88 Уголовного кодекса Российской Федерации наказания, назначаемые несовершеннолетним (штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные и исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок), в основном носят карательный, а не реабилитационный характер.

В период 2010-2017 гг. в структуре назначенных несовершеннолетним видов наказаний лишение свободы составило в среднем 24%. Доля несовершеннолетних, на которую приходится основное количество вынесенных судами решений о назначении принудительных мер воспитательного воздействия, приходится на возрастную категорию 14-15 лет и составляет 65%. При этом привлеченных к ответственности в возрасте 16-17 лет в среднем в 2 раза больше, чем 14-15-летних. Однако при назначении принудительных мер воспитательного воздействия присутствует противоположная тенденция.

Применение к несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы условно, в соответствии со ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации, не воспринимается осужденным в качестве сурового наказания, а укрепляет его веру в «безнаказанность» содеянного, что в дальнейшем приводит к совершению нового преступления до истечения условного срока и реальному лишению свободы, что оказывает сильное стрессовое воздействие на несовершеннолетнего и обеспечивает его знакомство с криминальной средой. Как правило, такой опыт приводит к ожесточению ребенка и его обозленности на «взрослый мир».

Судебная практика Санкт-Петербурга, Ростовской области, Пермского края и других субъектов свидетельствует о необходимости специализации на работе с несовершеннолетними не только судей, но и правоохранительных органов, социальных служб и учреждений, уголовно-исполнительных инспекций, необходимости создания системы пробации (уголовной опеки и надзора) для несовершеннолетних.

Ключевое значение результата отправления правосудия имеет исполнение назначенного наказания. Однако стоит отметить, что уголовно-исполнительные

инспекции в России в сравнении с зарубежным опытом не наделены следующими функциями служб пробации, в том числе: представление досудебных докладов суду и прокуратуре, особенно при решении судом вопроса о мере пресечения в виде ареста; организация процедуры примирения правонарушителя и жертвы преступления; разработка и осуществление программ коррекции социального поведения поднадзорных лиц; решение вопросов наилучшего обеспечения интересов осужденного несовершеннолетнего. Ключевым является то, что российские уголовно-исполнительные инспекции не оказывают реальной помощи в социальной адаптации, не обеспечивают их социального сопровождения.

Как предусмотрено в ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей.

Решение задач защиты прав несовершеннолетнего при исполнении судебных решений включает: оказание помощи в трудоустройстве несовершеннолетних, получение ими образования, решения различных бытовых проблем, особенно в случае проживания в неблагополучной семье.

Совершенствование судопроизводства связано с приведением его в соответствие с международно-правовыми стандартами с учетом принципов законности, персональной адресности и квалифицированности решений в отношении несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации, в социально опасном положении.

Основная задача ветвей власти связана с устранением узковедомственного подхода в работе с несовершеннолетними, используя для оценки результата не количественные показатели, а качественную составляющую – уровень межведомственного взаимодействия в решении различных проблем конкретного ребенка.

В силу ст. 13 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», к специализированным учреждениям для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, органам управления социальной защиты населения относятся:

- 1) социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, осуществляющие профилактику безнадзорности и социальную реабилитацию несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации;
- 2) социальные приюты для детей, обеспечивающие временное проживание и социальную реабилитацию несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в экстренной социальной помощи государства;
- 3) центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, предназначенные для временного содержания несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей или иных законных представителей, и оказания им содействия в дальнейшем устройстве.

На муниципальном уровне органами местного самоуправления создаются комиссии, осуществляющие деятельность на территории районов и городов, на

которые в большей части и ложится весь спектр обязанностей по осуществлению полномочий, возложенных на данный орган законом, в том числе по рассмотрению в отношении несовершеннолетних и их родителей материалов об административных правонарушениях, проведению профилактической работы среди «трудных» подростков и координации деятельности всех субъектов системы профилактики.

В Пушкинском районном суде и иных судах г. Санкт-Петербурга разработаны методические рекомендации для дознавателей и следователей по установлению сведений, характеризующих личность несовершеннолетнего обвиняемого.

Совместно с государственным учреждением «Городской центр профилактики безнадзорности и наркозависимости несовершеннолетних подозреваемых «КОНТАКТ» (далее – Центр «Контакт») разработана карта социального сопровождения несовершеннолетнего подсудимого. Так, при возбуждении уголовного дела дознаватель или следователь сообщает об этом специалистам Центра «Контакт», которые, в свою очередь, проводят социальные исследования условий воспитания, обучения, проживания, общения несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, а с 2015 года также и несовершеннолетних потерпевших. В процессе исследования специалист Центра «Контакт» общается с родителями, изучает условия проживания, воспитания, прохождения учебы при общении с педагогами, одноклассниками подозреваемого, обвиняемого несовершеннолетнего. Более того, исследование также распространяется на секции и кружки, которые посещает несовершеннолетний. Полученные результаты предоставляются дознавателю, следователю для приобщения к материалам уголовного дела в виде карты социального сопровождения. В обязательном порядке несовершеннолетним подозреваемым назначается судебная психолого-психиатрическая экспертиза.

Собранные данные о личности и результатах социального исследования, экспертизы отображаются следователем в обвинительном заключении, что позволяет суду наиболее качественно и всесторонне рассматривать дела в разумные сроки и определять наиболее эффективный вид уголовного наказания с учетом личности подсудимого и условий его жизни, а также принять меры по освобождению от наказания и применению принудительных мер воспитательного воздействия.

Социальное сопровождение специалистов Центра «Контакт» обеспечивается в отношении несовершеннолетних, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних органов полиции, находящихся под следствием или условно осужденных. Социальное сопровождение несовершеннолетних включает содействие в получении психологической, юридической и медицинской помощи, организации досуга, профориентации и трудоустройстве. Например, организация для подростков бесплатных экскурсий, посещения театров и музеев, а в период школьных каникул – отдых в детских оздоровительных лагерях. Профилактическая работа с молодежью обеспечивается проведением лекций и семинаров о правовой грамотности, здоровом образе жизни для учащихся школ и студентов средних специальных учебных заведений.

С учетом изложенного эффективность отправления правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних напрямую зависит от полноты и качества согласованности и взаимодействия имеющихся социальных служб государства с органами предварительного расследования, органами исполнения наказаний и непосредственно судом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Конвенция о правах ребенка принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН 20.11.1989 (вступила в силу для СССР 15.09.1990). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon (дата обращения 01.11.2018).
- Международный пакт о гражданских и политических правах принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol (дата обращения 01.11.2018).
- Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29.11.1985. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules (дата обращения 01.11.2018).
- Проект федерального закона «Об основах системы ювенальной юстиции». URL: <https://pravo.studio/pravo-rossii-yuvenalnoe/proekt-federalnyiy-zakon-osnovah-sistemyi-74477.html> (дата обращения 01.11.2018)
- Антонян Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // Lexrussica. 2018. № 9. С. 112 - 118.
- Костенко Е.Н. Объекты прокурорского надзора за исполнением законов о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Современное право. 2018. № 7-8. С. 28 - 33.
- Подшибякина О.С. Особенности рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних // Судья. 2015. № 7.С. 15 - 19.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТАТЬЯНА В. ИСАКОВА

За последние двадцать лет о «восстановительном правосудии» много говорилось в самых различных контекстах, оно упоминалось под разными именами и во многих странах; его развитие берет свое начало в среде ученых, работников системы правосудия и общественных активистов. В концепции восстановительного правосудия может идти речь об альтернативном процессе разрешения споров, об альтернативных методах наложения санкций или о действительно отличной от традиционной, «новой» модели уголовного правосудия, основанной на принципах восстановления жертв, правонарушителей и сообществ, в которых они живут. Концепция может предусматривать действия, не пересекающиеся с формальным судебным процессом, действия, идущие с ним одновременно и встречи между правонарушителями и жертвами на любой стадии уголовного процесса (от ареста и предварительного заключения до освобождения из тюрьмы).

Процесс восстановительного правосудия использовался в ювенальной и уголовной юстиции, в делах по защите детей и разрешению семейных проблем. Концепция имеет много названий, среди них «репаративное» правосудие, трансформационное правосудие, неофициальное правосудие. Глобальные связи ученых, работников системы правосудия и общественных активистов привели к созданию мультинациональной системы идей, и как следствие, основные термины претерпели изменения в их использовании и значении.

В основе принципов восстановительного правосудия в России лежат нормы международного законодательства: Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г., Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила 1985 г.), и Эр-Риядские соглашения 1990 г. В России реализация восстановительного подхода в правосудии по делам несовершеннолетних начата в 1997 г. Общественным Центром «Судебно-правовая реформа» (Public Center for Legal and Judicial Reform). Работа по практическому освоению проведения программ восстановительного правосудия, теоретическому осмыслению и методическому обеспечению включения медиации в российский уголовный процесс привела в 1998 г. к организации первой в России экспериментальной площадки, где в уголовную юстицию по делам несовершеннолетних стали включаться VOM. Экспериментальная площадка на базе Черемушкинского районного суда г. Москвы стала прототипом для формирования российской модели восстановительной ювенальной юстиции - использования программ восстановительного правосудия в реагировании на преступления несовершеннолетних.

На законодательном уровне в РФ термин «восстановительное правосудие» как новый подход к отпращиванию правосудия в отношении несовершеннолетних,

направленный не на наказание виновного путем изоляции его от общества, а на восстановление материального, эмоционально-психологического (морального) и иного ущерба, нанесенного жертве, сообществу и обществу, на осознание и заглаживание вины, восстановление отношений, содействие реабилитации и ресоциализации правонарушителя, был использован в Концепции развития до 2014 г. которая была разработана с целью реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 г.г. Восстановительный подход в данном документе рассматривается как приоритетный в работе с правонарушениями несовершеннолетних в рамках задачи создания правосудия дружественного ребенку и в области реагирования на школьные конфликты. Но мы видим трудности в том, что саму Стратегию нельзя рассматривать как основанную на некоем едином подходе, и запланированные направления работ могут оказаться в противоречии друг с другом. Еще одна опасность состоит в том, что спущенные сверху директивы о создании служб примирения могут привести к формализации и выхолащиванию ценностных и содержательных основ подхода. Во всяком случае, новые возможности оказываются одновременно и вызовом для российского сообщества восстановительных практик.

Вряде регионов России сформированы инициативные группы, занимающиеся организацией и проведением программ восстановительного правосудия. В 2009 г. учреждена Всероссийская ассоциация восстановительной медиации, которой приняты и разработаны Стандарты, призванные служить руководством и источником информации для медиаторов, руководителей и специалистов служб примирения и органов управления различных ведомств, заинтересованных в использовании медиации. В Ассоциацию входят представители более 15 регионов РФ. Обратим внимание, что в российском законодательстве нет норм, непосредственно указывающих ни на использование медиации в уголовном процессе (хотя есть нормы о благоприятных юридических последствиях примирения обвиняемого и потерпевшего), ни на деятельность социального работника с несовершеннолетними правонарушителями. Тем не менее, ряд правовых институтов позволяет встраивать «ювенальные технологии» в работу с несовершеннолетними обвиняемыми.

Формирование новой практики началось с передачи дел на медиацию на судебной стадии, хотя, естественно, более правильно начинать работу с несовершеннолетним обвиняемым на этапе предварительного расследования, которое тянется несколько месяцев. Но в России нет специальных следователей по делам несовершеннолетних. Раскрытие преступлений, совершенных подростками, и способы работы с ними происходят по общей схеме. А суды в пореформенной России показали свою независимость в вопросах отношения к подростковой преступности и стали более открытыми к возможностям реализации новых подходов.

В целом происходит некоторое расширение практики восстановительного правосудия, однако пока нельзя сказать о стабильности этого процесса. Сравнительные данные мониторинга за последние четыре года показывают противоречивые тенденции: на каких-то территориях число программ растет по сравнению с предыдущими годами, а где-то программы сворачиваются. Последнее объясняется отсутствием форм институционального закрепления подобной практики. С уходом конкретных руководителей при отсутствии четких административных и правовых форм закрепления применение восстановительных программ порой прекращается. Кроме того, в последние

годы происходят серьезные реорганизации сферы образования и социальной защиты, и при реорганизациях бывает довольно сложно с экономической точки зрения обосновать важность деятельности подобных служб. Но с другой стороны, примирительные программы по правонарушениям несовершеннолетних практикуются и в других регионах, которые пока не входят в систему сбора информации Ассоциации восстановительной медиации.

При всех сложностях на сегодняшний день можно зафиксировать очевидный прогресс в становлении детского правосудия в части реагирования на преступления несовершеннолетних. Хотя производство по таким делам входит составной частью в общее уголовное правосудие, его целевые ориентиры все более сдвигаются в направлении к воспитательному и ресоциализирующему правосудию. В 2017 г. согласно информации, собранной специальной рабочей группой при Совете судей РФ, ювенальные технологии в сфере правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних применялись в судах 52-х субъектов Российской Федерации. В настоящее время это поле расширяется, к этому процессу присоединяются другие территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Говард Зехр, Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание – М.: Центр МОО «Судебная и правовая реформа», 2002.
- Рекомендации комитета министров Совета Европы № R (99) 19 от 15 сентября 1999 г. «Посредничество в уголовных делах».
- Резюме Стандартов Организации Объединенных Наций и Норм в предупреждении преступности и уголовном судопроизводстве//Права человека. – Нью-Йорк, 2007.
- Карнозова Л., Максудов Р., Flyamer M. Восстановительное правосудие: Идеи и Перспективы для России//российская справедливость. – 11. – 2000.
- Гуськова А. П., Емельянов В.А., Юрченко Л.В., Вопросы об уголовном судопроизводстве организации ювенальной юстиции в современной России//монография. Оренбург: Изд-во, ОГАО. 2009.

ПРОБЛЕМА МОЛОДЕЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА СТЫКЕ СИСТЕМ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

МАРИ СУОНИО

ВВЕДЕНИЕ

Конвенция о правах ребенка гласит, что каждый ребенок имеет право на такое обращение, которое способствует развитию у него чувства достоинства и значимости, укрепляет в нем уважение к правам человека и при котором учитывается возраст ребенка. Кроме того, должны соблюдаться гарантии правовой защиты ребенка. Также необходимо обеспечить доступ к таким мероприятиям, как уход, положение об опеке и надзоре, консультативные услуги, назначение испытательного срока, воспитание, программы обучения и профессиональной подготовки и другие формы ухода, заменяющие уход в учреждениях (статья 40 Конвенции). Финляндия является участницей этой Конвенции и обязана соблюдать изложенные в ней принципы защиты прав ребенка.

Когда речь заходит о молодежной преступности – несовершеннолетних правонарушителях – невозможно обойти стороной систему социального обеспечения. Если возраст правонарушителя 15–17 лет, неизбежно встает вопрос социального благополучия или защиты прав ребенка. Как отмечает Тапио Лаппи-Сеппяля (Lappi-Seppälä, 2011, 1) «Ювенальная юстиция в Финляндии существует на стыке двух систем – системы уголовного правосудия для взрослых и системы социальной защиты детей». Это результат совершенствования законодательной системы защиты детей и в то же время вопрос уголовного правосудия Финляндии. Марттунен (Marttunen, 2008, 13-14) разъясняет, что, хотя решающее слово в борьбе с молодежной преступностью принадлежит уголовному правосудию, ответственность за работу с трудными подростками несут социальные службы.

Правонарушителями во возрасте до 15 лет занимаются исключительно органы социальной защиты детей, а несовершеннолетними правонарушителями в возрасте от 15 до 17 лет занимаются одновременно система социальной защиты и система уголовного правосудия (Lappi-Seppälä, 2011). Однако принципы, положенные в основу этих двух систем, кардинально отличаются. Система социальной защиты детей всегда ставит во главу угла интересы ребенка. Система уголовного правосудия применяет один и тот же уголовный кодекс ко всем правонарушителям старше 15 лет. В Финляндии не существует отдельной ювенальной системы уголовного правосудия. Однако к правонарушителям в возрасте 15–17 лет применяются более мягкие наказания. Преступник, которому на момент совершения наказуемого деяния, не исполнилось 18 лет, не может быть приговорен к реальному лишению свободы без веских на то оснований (Lappi-Seppälä, 2011).

В этой работе мной рассматривается возрастная система в Финляндии, в первую очередь с точки зрения работы социальных служб. В том, что касается возрастных особенностей воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, законодательство Финляндии совершенствуется с XVIII века. В настоящее время основной тенденцией уголовного правосудия является управление рисками, однако по-прежнему быстро развиваются и совершенствуются меры общественного воздействия.

ВОЗРАСТ И СИСТЕМА

Как показано на рис. 2, законодательные базы для разных возрастных категорий имеют много общего. Система социальной защиты детей всегда исходит в первую очередь из интересов ребенка. В случае совершения правонарушения несовершеннолетним лицом, которому не исполнилось 18 лет, к делу должны обязательно привлекаться службы социального обеспечения и защиты детей. Если правонарушителю не исполнилось 15 лет, вопрос целиком находится в ведении законодательства по социальному обеспечению. Занимаясь несовершеннолетним правонарушителем, социальный работник должен обязательно оценить потребность ребенка в защите. Хотя уголовное правосудие не применяется к детям до 15 лет, они несут материальную ответственность за ущерб, который был нанесен их действиями. В принципе, правонарушители лично несут ответственность за причиненный ими финансовый ущерб вне зависимости от возраста.

Поскольку в Финляндии нет судов по делам несовершеннолетних (ювенальных судов), все уголовные дела рассматриваются одними и теми же уездными судами. Однако в отношении правонарушителей в возрасте от 15 лет до 21 года применяется Закон о расследовании обстоятельств ответственности малолетних. Согласно этому закону в ходе судебного процесса должны приниматься во внимание условия и жизненные обстоятельства подсудимого (ситуация в семье и социальное положение, проблемы со здоровьем, образование и занятость, преступные действия, имевшие место в прошлом).

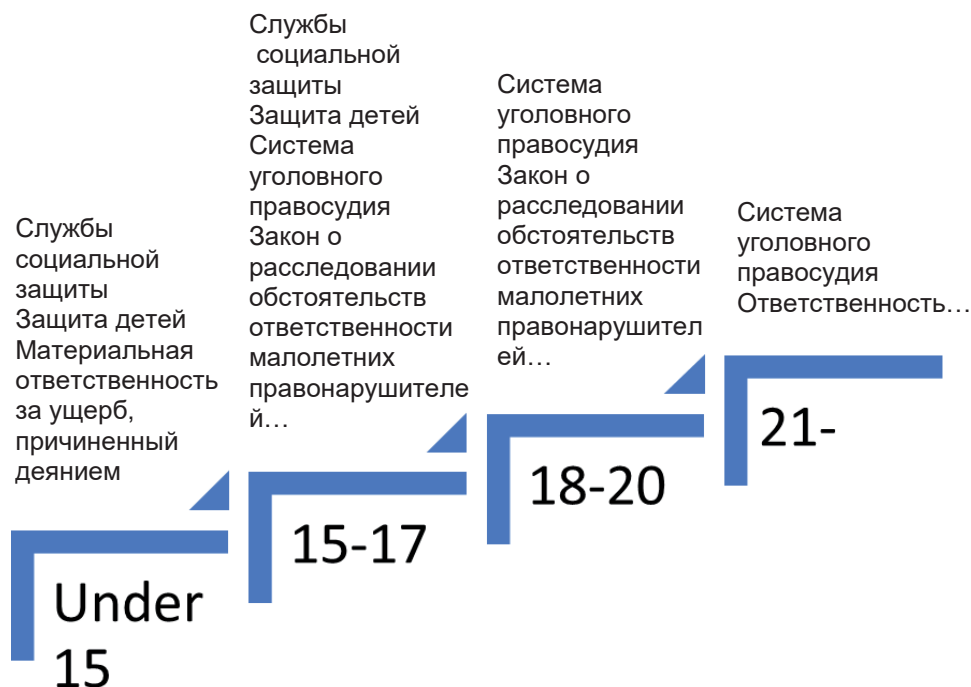

Рис. 2. Возраст и система

В целом, возраст 15–17 лет является наиболее сложным периодом для взаимодействия органов уголовного правосудия и служб социальной защиты. В судебных процессах принимают участие обе организации, а зачастую и специализированные учреждения и органы защиты детей. Как подчеркивает Харрикари (Harrikari, 2008), системы уголовного правосудия и защиты детей тесно взаимодействуют между собой.

ХАРАКТЕРИСТИКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ

Когда речь заходит о процессе назначения наказания, в слушаниях по делам несовершеннолетних принимает участие социальный работник, обычно сотрудник полицейского управления. Однако это не является обязательным требованием, и в некоторых регионах в штате полицейского управления нет социальных работников. Когда речь идет о малолетних правонарушителях, органы защиты детей руководствуются благом и интересами ребенка в рамках судебного процесса. Основными моментами в работе с несовершеннолетними являются защита, поддержка и учет возрастных особенностей при выборе санкций (Suonio, 2015). ЮНИСЕФ (2013) утверждает, что роль социального работника заключается в том, чтобы оказывать ребенку помощь с момента его ареста, составлять отчеты о социальном расследовании жизненных обстоятельств ребенка, осуществлять надзор за несовершеннолетними правонарушителями в общине, оказывать поддержку в случае назначения наказания в виде лишения свободы, готовить ребенка к освобождению и оказывать ему помощь и

поддержку после освобождения. Хотя органы, занимающиеся этими задачами в Финляндии, не обязательно являются социальными службами, они тесно сотрудничают с такими службами, объединяя усилия специалистов различных направлений.

Одной из ключевых проблем в работе с несовершеннолетними правонарушителями является то, что деятельность социальных работников охватывает множество различных направлений. Например, социальные работники могут вести работу в школах или наркологических клиниках. Основная проблема заключается в том, чтобы создать безопасную образовательную среду и помочь правонарушителю вести жизнь законопослушного гражданина. По сути дела, в основе используемой в Финляндии системы наказаний также лежит социальная защита (см. Linderborg, 2014), и по большому счету поддержка, оказываемая в рамках наказания, является плодом сотрудничества специалистов разных направлений. В целом, поддержка, оказываемая в рамках мер общественного воздействия, в значительной степени опирается на работу социальных служб.

В качестве специальных мер для несовершеннолетних применяется система ювенальных наказаний. Эта система опирается на сотрудничество различных служб. Служба исполнения наказаний с помощью несовершеннолетнего правонарушителя, его опекуна или родителей и органов социальной защиты составляет предварительный отчет. Этот отчет основывается на сведениях, полученных от разных органов и в ходе общих встреч, бесед с несовершеннолетним правонарушителем и слушания показаний опекуна. Однако ювенальные наказания применяются в системе уголовных наказаний Финляндии сравнительно редко. Наиболее распространенным видом наказаний, применяющихся в отношении несовершеннолетних правонарушителей, являются условные приговоры с надзором (в среднем в 2017 году выносилось 727 таких приговоров в день). Хотя ювенильные наказания применяются очень редко (в среднем в 2017 году ювенильное наказание применялось 7 раз в день), число приговоров к тюремному заключению среди 15–17-летних также очень невелико (10 в 2017 году). Однако уровень рецидивов среди несовершеннолетних правонарушителей весьма высок. Около 80% правонарушителей в возрасте от 15 лет до 21 года, отбывавших наказание в местах лишения свободы, совершают новые преступления (Служба исполнения наказаний, 2017).

Согласно Закону о социальной защите детей, «могут приниматься особые меры для того, чтобы разорвать «порочный круг злоупотребления опьяняющими веществами или преступлений и исключить случаи, когда поведение ребенка может представлять опасность для их жизни, здоровья или развития». Эти особые меры направлены на то, чтобы положить конец поведению ребенка, которое вредит ему, и обеспечить возможность оказания этому ребенку комплексной помощи». (Pösö et al., 2011, 249). Однако такие особые меры (например, исправительные заведения) предназначены только для лиц с серьезными проблемами и, как правило, довольно обширной историей контактов с органами защиты детей и преступных действий. Такими случаями занимаются только органы защиты детей, но особые меры могут применяться и, например, к молодежи до 18 лет с уголовным прошлым.

Как известно, существует целый ряд различных криминологических теорий, объясняющих преступные действия несовершеннолетних. Например, согласно теории напряжения, борясь с преступностью, общество оказывает давление

на своих членов, и молодые люди чувствуют, что у них нет иного выбора. С другой стороны, теория социального научения указывает на причинно-следственную связь между окружением, ровесниками, семьей и поведением несовершеннолетнего. Это означает, что ребенок перенимает асоциальное поведение у своего окружения (см, например, Kivivuori, 2008). В целом, одной из ключевых особенностей, отличающих несовершеннолетнего правонарушителя, является склонность к риску и восприимчивость к рискованному поведению. На мой взгляд, важно применять идеи криминологических теорий в работе с несовершеннолетними правонарушителями, например приспособливая системы ухода и образования к специфике уголовных наказаний (см. Pösö et al., 2010).

Меры поддержки играют ключевую роль в уголовных наказаниях для несовершеннолетних правонарушителей. Если целью является жизнь законопослушного гражданина после отбытия наказания, важное значение имеют социальная поддержка осужденного и контроль факторов риска во время отбытия наказания. Для молодежи характерно рискованное поведение, а также желание научиться жить по законам и правилам общества. Одна из причин преступного поведения молодежи связана именно с этим. Профилактика и заблаговременная поддержка лиц, находящихся в группе риска, имеют чрезвычайно большое значение. Соответственно, важно выделять необходимые ресурсы для учебных заведений, работы с молодежью, обучения и образования. Социальная работа играет важную роль в профилактике правонарушений среди детей и молодежи.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИСТЕМ – ОБСУЖДЕНИЕ

Когда речь заходит о работе с несовершеннолетними правонарушителями, ключевым элементом такой работы является сотрудничество между системами. Необходимость в уголовных наказаниях существует, однако эти наказания должны быть смягчены. Кроме того, в большинстве случаев необходимо обеспечить защиту ребенка, однако долговременные меры защиты не нужны, если несовершеннолетний получает поддержку от окружения – родных, друзей, школы.

Когда речь заходит о несовершеннолетних правонарушителях, важно помнить обо всех составляющих процесса. При назначении наказания играют свою роль защита, образование и вид наказания. Также целесообразно изучить эффективность взаимодействия систем. В чем заключаются отличительные особенности рецидивной преступности и как можно снизить ее уровень?

Если проанализировать историю профессиональных преступников, в их прошлом обычно присутствует какая-то личная или семейная психическая травма. Преступное поведение может быть признаком виктимизации. В настоящее время у нас не хватает данных исследований прошлого преступников.

Наконец, необходим баланс между профилактикой (в основе которой лежит преимущественно социальная работа) и управлением рисками (криминогенными и криминологическими теориями). Для этого важно поддерживать связь между двумя системами и продолжать междисциплинарные исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Criminal Sanctions Agency. 2017. Statistical Yearbook. Материал доступен по ссылке: https://www.rikosseuraamus.fi/material/attachments/rise/julkaisut-tilastollinenvuosikirja/xZlsnncf1/RISE_Statistical_Yearbook2017.pdf Загружено 20.11.2018 г..
- Convention on the Rights of the Child. Материал доступен по ссылке: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/crc.aspx> Загружено 15.11.2018 г.
- Harrikari, T. 2008. Exploring risk governance in the Nordic context. *Current Issues in Criminal Justice* 20(1), 29–42.
- Lappi-Seppälä, T. 2011. Alternative to custody for young offenders. National Report on Juvenile Justice Trends Finland. European Project `Alternatives to Custody for Young Offenders – Developing Intensive and Remand Fostering Programmes`
- Marttunen, M. 2008. Nuorisorikosoikeus. Alaikäisten rikosten seuraamukset kriminaalipoliittisesta ja vertailevasta näkökulmasta. (Juvenile Criminal Justice: Comparative and Criminal Policy Perspective on Sanctioning Juveniles. National Research Institute of Legal Policy. Publication 236. Helsinki.
- Pösö, T. & Kitinoja, M. & Kekoni, T. 2010. Looking Up for the Best Interest of the Child - Some Preliminary Remarks on `Special Care`. *Youth Justice* 10:245, 245–257.
- Suonio Mari. 2015. Положение малолетних преступников в законе об уголовных санкциях в Финляндии с исторической точки зрения. Сборник статей под общей редакцией С. К. Дряглова и В. П. Очередко (ред.) Социализация молодежи: проблемы взаимосвязи права и социальной педагогики. ИД «Петрополис», 80-89
- Unicef. 2013. The Role of Social Work in Juvenile Justice. Материал доступен по ссылке: <http://www.socialserviceworkforce.org/system/files/resource/files/The%20Role%20of%20Social%20Work%20in%20Juvenile%20Justice.pdf> Загружено 20.10.2018 г.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ ПРАВОНАРУШИТЕЛИ И УЕЗДНЫЕ СУДЫ ФИНЛЯНДИИ

ЮССЕ МЯАТТЯ

ВВЕДЕНИЕ

Уездные суды Финляндии занимаются уголовными и гражданскими делами. Эта работа содержит обзор процедур уголовного судопроизводства в случае несовершеннолетия ответчика. Уголовное право и процессуальное право Финляндии содержат положения (правила), применяемые в случае несовершеннолетия ответчика. Эти правила содержатся преимущественно в Уголовном кодексе Финляндии, определяющем меру наказаний, Законе об уголовном судопроизводстве и Законе о выяснении положения несовершеннолетнего подозреваемого.

Согласно финскому законодательству, к уголовной ответственности могут быть привлечены только лица, которым исполнилось пятнадцать лет. Лица, которым не исполнилось 15 лет, не могут быть привлечены к уголовной ответственности за свои действия. В отношении детей, которым не исполнилось 15 лет, могут применяться только меры со стороны органов социальной защиты детей. Помочь ребенку стать законопослушным гражданином – задача полиции и органов социальной защиты. Дети могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности (возмещение ущерба), однако при определении суммы возмещения учитывается возраст ответчика.

ПРОЦЕДУРА

Если правонарушителю от 15 до 17 лет, его возраст может учитываться как основание для отказа от тех или иных мер. Если правонарушение не относится к тяжким, полиция может принять во внимание возраст правонарушителя и не передавать дело в прокуратуру. Прокурор также может принять решение отказаться от судебного преследования (не предъявлять обвинение в уездном суде), если соответствующее правонарушение признано результатом необдуманных действий или легкомысленного поведения (ст. 3:10 Закона о следствии по уголовным делам и ст. 1:7 Закона об уголовном судопроизводстве).

Также возможно внесудебное урегулирование; договоренность, достигнутая между подозреваемым в совершении правонарушения и пострадавшей стороной, может быть принята во внимание при принятии решения об отказе от судебного преследования (ст. 1:8 Закона об уголовном судопроизводстве). Внесудебным урегулированием занимается муниципальный отдел социальной защиты или независимая организация. Предложение внесудебного урегулирования дела часто исходит от полиции или прокурора.

При рассмотрении в уездном суде дела правонарушителя, которому на момент совершения правонарушения исполнилось 15–20 лет (не исполнился

21 год), до вынесения приговора Службой исполнения наказаний должен быть представлен предварительный отчет о жизненных обстоятельствах подсудимого – за исключением тех случаев, когда очевидно, что мерой наказания будет избран штраф. Для составления этого отчета Служба исполнения наказаний вместе с органом социальной защиты собирают сведения о жизненных обстоятельствах молодого подсудимого, в первую очередь об употреблении опьяняющих веществ, психическом здоровье, пользовании услугами психиатрических служб, потребности в поддержке и помощи других служб и других обстоятельствах, которые имеют отношение к социальной ситуации подсудимого. В отчете также должна быть принята во внимание необходимость в надзоре за подсудимым, если мерой наказания будет избрано условное лишение свободы (разделы 4 и 5 Закона о выяснении положения несовершеннолетнего подозреваемого).

После передачи дела в суд суд обязан удостовериться в том, что предварительный отчет представлен в материалах судебного процесса. На практике необходимость в предварительном отчете возникает, если избранное судом наказание может быть более строгим, чем штраф. Суд обязан также предоставить представителю Службы исполнения наказаний возможность присутствовать на судебном процессе.

Несовершеннолетним проще получить государственного защитника или адвоката, чем взрослым. Согласно ст. 2:1 Закона об уголовном судопроизводстве, государственный защитник предоставляется подозреваемому, которому не исполнилось 18 лет, в силу его возраста за исключением тех случаев, когда очевидно, что подозреваемый не нуждается в государственном защитнике. Государственный защитник назначается соответствующим уездным судом. Оплату услуг государственного защитника берет на себя государство. Если суд признает подсудимого виновным в правонарушении, подсудимый обязан будет полностью или частично возместить государству издержки (только в том случае, если подсудимый не соответствует критериям предоставления бесплатной юридической помощи малоимущим).

Также адвокат для подсудимого может быть назначен Государственным центром юридической помощи. Защитник, назначаемый центром юридической помощи, может быть государственным адвокатом, занимающимся оказанием юридической помощи, адвокатом или юристом с лицензией на осуществление адвокатской деятельности.

В обоих случаях (государственный защитник или адвокат, назначенный Центром юридической помощи) услуги такого защитника или адвоката оплачиваются государством – полностью, если объем свободных средств подсудимого (то есть ежемесячный чистый доход за вычетом некоторых расходов, в частности оплаты жилья) не превышает 600 евро в месяц, или частично, если объем свободных средств подсудимого не превышает 1300 евро в месяц (согласно Указу о юридической помощи).

Как правило, рассмотрение уголовного дела с участием молодежи в уездном суде занимает меньше времени, чем рассмотрение уголовного дела с участием взрослых. Если подсудимый в возрасте 15–17 лет обвиняется в правонарушении, максимальное наказание за которое предусматривает лишение свободы сроком более 6 месяцев, заседание суда должно состояться в течение 30 дней после передачи дела в суд (ст. 5:13 Закона об уголовном судопроизводстве). Это требование обусловлено тем, что, по общему мнению, чем больше времени

проходит между преступлением и наказанием, тем меньший профилактический эффект оказывает наказание на делинквентность несовершеннолетнего.

Если подсудимому не исполнилось 18 лет, он обязан лично использовать свое право быть выслушанным в суде, однако его опекун или другой законный представитель также, независимо от ответчика, имеет право быть выслушанным в ходе производства по делу, как правило, в ходе судебного процесса (ст. 12:2 Процессуального кодекса). На практике несовершеннолетний ответчик в большинстве случаев обязан лично явиться на судебное заседание; его родители также имеют возможность присутствовать на заседании.

На практике несовершеннолетний ответчик, которому не исполнилось 18 лет, как правило, обязан лично присутствовать на заседании суда, даже если он признался в деяниях, перечисленных в обвинительной речи прокурора. Закон об уголовном судопроизводстве позволяет вынести решение по делу даже в отсутствие ответчика на заседании суда, если его присутствие не требуется для вынесения решения по делу и при условии, что ответчик был извещен об этом судебной повесткой, однако эта процедура редко применяется в делах несовершеннолетних ответчиков. Как правило, считается неправильным выносить приговор несовершеннолетним правонарушителям, особенно судимым впервые, не заслушав их лично.

Личное присутствие несовершеннолетнего ответчика на судебном заседании может оказать воспитательный эффект, который поможет подсудимому удержаться от правонарушений в будущем. Этот эффект связан с разъяснением подсудимому сути правонарушения и его последствий для пострадавшей стороны.

Кроме того, если подсудимому не исполнилось 18 лет, уездный суд должен предоставить возможность присутствовать на судебном заседании представителям органов социальной защиты. Согласно ст. 4:24 Закона о социальной защите детей, соответствующий муниципальный орган социальной защиты должен быть представлен в ходе предварительного следствия и на судебных заседаниях по делу о совершении ребенком наказуемых деяний, если этот муниципальный орган социальной защиты не сочтет участие в этих процедурах излишним.

Согласно Закону об уголовном судопроизводстве, в некоторых случаях допускается письменное производство (процедура рассмотрения дела в уездном суде без проведения судебного заседания) при условии, что взрослый ответчик признался в деяниях, перечисленных в обвинительной речи прокурора. Письменное производство не допускается, если на момент совершения правонарушения ответчику было 15–17 лет.

НАКАЗАНИЯ

Если несовершеннолетний правонарушитель в возрасте 15–17 лет признается виновным в правонарушении, уездный суд вправе назначить ему обычное наказание, применяемое в отношении взрослых: фиксированный штраф (единственное наказание для некоторых мелких нарушений), штраф, условное лишение свободы (с испытательным сроком 1–3 года и с дополнительным штрафом или без него), общественно-полезные работы, пребывание под

домашним арестом или реальное лишение свободы. Однако, имеются следующие отличия:

Смягчены минимальное и максимальное наказания. Максимальное наказание составляет $\frac{3}{4}$ обычного максимального наказания, а минимальное наказание соответствует минимальному для данного вида наказаний (штраф, лишение свободы и т.п.), вне зависимости от того, какое минимальное наказание предусмотрено с учетом тяжести преступления.

Пример: за вождение автомобиля в нетрезвом состоянии с отягчающими обстоятельствами для взрослых предусмотрено наказание в 60–120 дневных штрафов или лишение свободы на срок от 14 суток до 2 лет, а для лиц, которым не исполнилось 18 лет, предусмотрено наказание в 1–90 дневных штрафов или лишение свободы на срок от 14 суток до 1 года 6 месяцев (дневной штраф представляет собой единицу начисления штрафа, размер которой зависит от финансового положения правонарушителя; например, при месячном доходе в 500 евро размер дневного штрафа составляет 6 евро).

Если правонарушителю не исполнилось 18 лет, наказание в виде реального лишения свободы применяется только при наличии весомых (особых) оснований (ст. 6:9 Уголовного кодекса).

Кроме того, за правонарушения, совершенные в возрасте 15–17 лет, может быть назначено так называемое ювенальное наказание. Это единственный вид наказаний, который применяется только к несовершеннолетним (ст. 6:10а Уголовного кодекса). Ювенальное наказание включает в себя надзор, участие в различных видах деятельности и программах, развивающих способности несовершеннолетнего правонарушителя к социальному функционированию, и приучение к труду и трудовой жизни. Однако в судебной практике ювенальное наказание применяется довольно редко; вместо него суды зачастую назначают в качестве наказания условное лишение свободы.

Когда речь заходит об общественно-полезных работах в качестве наказания для лица, которому не исполнился 21 год, ранее совершенные правонарушителем преступления не могут служить препятствием для участия в общественно-полезных работах, как это часто бывает в случае со взрослыми. Согласно статье 6:11 Уголовного кодекса, тот факт, что наказуемое деяние было совершено в возрасте до 21 года, считается достаточным основанием для назначения в качестве наказания общественно-полезных работ вне зависимости от значимости предыдущих наказаний (ст. 6:11 Уголовного кодекса). Общественно-полезные работы представляют собой от 14 до 240 часов неоплачиваемых работ под надзором Службы исполнения наказаний.

Кроме того, если наказуемое деяние было совершено правонарушителем в возрасте 15–20 лет, условное лишение свободы может быть дополнено надзором (ст. 6:10 Уголовного кодекса). Надзор может быть назначен, если суд сочтет, что эта мера будет способствовать социальной адаптации подсудимого и послужит профилактикой дальнейших правонарушений. Надзор включает регулярные встречи с инспектором. Предусмотренные надзором встречи могут также включать различные виды деятельности и программы, развивающие способность к социальному функционированию.

Суд также может отказаться от назначения наказания, если соответствующее правонарушение было совершено правонарушителем, которому не исполнилось 18 лет, и признано результатом необдуманных действий или легкомысленного поведения (ст. 6:12 Уголовного кодекса).

В уголовном законодательстве Финляндии не предусмотрено отдельных категорий преступлений (по степени их тяжести), хотя во многих случаях предусмотрен диапазон наказаний и многие преступления, описанные в Уголовном кодексе, могут иметь смягчающие или отягчающие обстоятельства.

Условия условно-досрочного освобождения в случае реального лишения свободы также зависят от возраста правонарушителя на момент совершения наказуемого деяния. Согласно статье 2с:5 Уголовного кодекса, лицо, отбывающее назначенный ему фиксированный срок лишения свободы, имеет право на условно-досрочное освобождение после того, как отбудет две трети срока, или половину срока, если наказуемое деяние было совершено им в возрасте до 21 года. Заключение, который в течение течение трехлетнего испытательного срока не отбывал наказание в местах лишения свободы, имеет право на условно-досрочное освобождение после того, как отбудет половину срока, или треть срока, если наказуемое деяние было совершено им в возрасте до 21 года. Также перед условно-досрочным освобождением заключенные могут быть переведены в режим пробации под надзором за пределами мест лишения свободы.

РЕЗЮМЕ

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что процедура рассмотрения уголовных дел с участием несовершеннолетних в уездных судах Финляндии в некоторых аспектах отличается от процедуры, используемой для дел с участием взрослых ответчиков. Основными отличиями судебных процессов с участием молодых ответчиков от процессов с участием взрослых ответчиков являются предварительный отчет, который должен быть представлен до вынесения приговора, обязательное личное присутствие молодого ответчика на судебном заседании и право родителей или опекунов ответчика и представителей органов социальной защиты быть выслушанными в ходе судебного разбирательства.

В принципе, в отношении взрослых и несовершеннолетних лиц применяется одна и та же система наказаний. Однако молодым правонарушителям назначаются более мягкие наказания; кроме того, имеются и другие отличия, например возможность установить обязательный надзор в случае условного лишения свободы.

ЛИТЕРАТУРА

Закон об урегулировании правонарушений, совершенных молодыми людьми (15 -20 лет) в Финляндии 633/2010. Неофициальный перевод.

Закон об охране детства в Финляндии 417/2007. Lastensuojelulaki 417/2007. Неофициальный перевод.

Судебно-процессуальный кодекс Финляндии 4/1734. Oikeudenkäymiskaari 4/1734. Неофициальный перевод.

Закон об уголовном розыске в Финляндии 805/2011. Esitutkintalaki 805/2011. Неофициальный перевод.

Закон об уголовном процессе в Финляндии 689/1997. Laki oikeudenkäynnistä rikosasioissa 689/1997. Неофициальный перевод.

Уголовный кодекс Финляндии 39/1889. Rikoslaki 39/1889. Неофициальный перевод.

AUTHORS

HÄMÄLÄINEN Juha, Professor, Social Work and Social Pedagogy, University of Eastern Finland.

ХЯМЯЛЯЙНЕН Юха, профессор, социальная работа и социальная педагогика, Университет Восточной Финляндии.

ISAKOVA Tatyana Valeryevna, Dean of the Faculty for Advance Training and Retraining of Judges, Public Civil Servants of Courts and Judicial Department at the North-Western Branch of FSBEIHE the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor, Saint-Petersburg, Russia.

ИСАКОВА Татьяна Валерьевна, декан факультета повышения квалификации и переподготовки судей, государственных гражданских служащих судов и судебного департамента Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

MÄÄTTÄ Jusse, Judge of the District Court of Northern Savonia.

МЯАТТЯ Юссе, судья уездного суда Северного Саво, Финляндия

OCHEREDKO Viktor, Deputy Director for Science in the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor Sc. (Law), Professor, Honored Worker of the RF Higher Education, Saint-Petersburg, Russia.

ОЧЕРЕДЬКО Виктор Пантелеевич, заместитель директора по научной работе Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия.

PETROVA Tatiana, Specialist of Scientific Research and Publishing Department of the North - Western Branch of the Russian State University of Justice», PhD in Philology, Associate Professor.

ПЕТРОВА Татьяна, специалист отдела по организации научной и редакционно-издательской деятельности Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат филологических наук, доцент.

SUONIO Mari, M. Soc. Sc, Lecturer in Social Work, Licensed Social Worker, Department of Social Sciences, University of Eastern Finland

СУОНИО Мари, преподаватель кафедры социальных наук Университета Восточной Финляндии, магистр социальных наук, лицензированный социальный работник, г. Куопио, Финляндия.

ТОНКА Sanna, LL.M. with court training, LL.lic

ТОХКА Санна, судья административного суда, магистр права с судебной практикой, лицензиат права, г. Куопио, Финляндия

VORNANEN Riitta, Professor, Social Work, University of Eastern Finland.

ВОРНАНЕН Риитта, профессор, Университет Восточной Финляндии.

ZHOLOBOV Yaroslav Borisovich, Associate Professor of the State and Legal Disciplines Department of the North-Western Branch of the FSBEENH «The Russian State University of Justice», a Retired Judge, Saint-Petersburg, Russia.

ЖОЛОБОВ Ярослав Борисович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», судья в отставке, Санкт-Петербург, Россия.

MARI SUONIO & TATIANA PETROVA (EDS.)

UNIVERSITY OF
EASTERN FINLAND

uef.fi

**PUBLICATIONS OF
THE UNIVERSITY OF EASTERN FINLAND**
Reports and Studies in Social Sciences and Business Studies

ISBN 978-952-61-3097-2
ISSN 1798-5765